

Олжас Сулейменов

Язык письма

(«1001 слово»)

(Окончание. Начало в №№ 2–5)

В этрусском зеркале

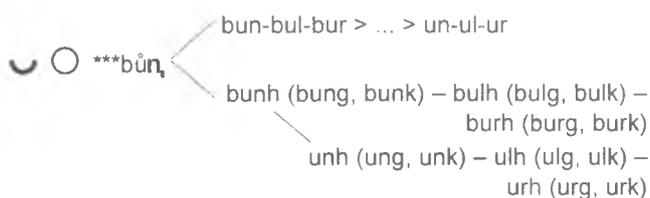
Знак Рима

Готовясь приступить к написанию «1001 слова», я понял, что причинность слов будет обнаруживаться легче, если составить таблицу развития семантики каждой разновидности графических символов Луны и Солнца. И в приложении к ней – эволюцию названий знаков. Работа эта весьма объемна: в таблице графоакустических элементов представится взору и слуху этимолога вся грамматическая «химия» общечеловеческого языка эпохи Начала.

В этой главе мы рассмотрим, и то не во всей полноте, несколько эпизодов, связанных с двумя-тремя звеньями семантической цепочки.

Знак солнца – «круг с точкой (чертой, крестом)» один из самых распространенных в исторически освещенном мире. Его мы видим на 3-х континентах – в древнеегипетской, шумерской, древнекитайской письменностях и в иероглифике майя. Мы уже говорили о нем не раз. Но в таблице отчетливо прослеживаются этапы его биографии. Напомним главное. Основной элемент сложного знака – круг («луна») восходил к изображению южного месяца – «лодочкой» и, напоминая рога быка, получил его самоназвание, которое перешло на «немой» объект – ночное светило: ****buŋ*/*buŋ*.

К теме главы имеет отношение развитие первослова б-Диалекта. На том и сосредоточимся.

В открытосложных диалектах название луны-месяца**un* извлекается от согласного – *u* – месяц, луна (мая). Возраст этой традиции никак не меньше шести тысячелетий: иероглиф *u* («северный месяц») появился в раннешумерском письме. В этом положении дошел до древнетюркского письма и авестийского. «Южный месяц» (*u*) «полная луна» (*o*) запечатлелись в южноевропейских алфавитах.

II

Лунная и солнечная религии сосуществовали в обществах до недавних исторических времен. Языки сохранили память об этом.

Лунопоклонники увидели священный знак своей веры в излучине реки и стали поселяться в таких местах. Этот материальный оберег кроме духовной функции обладал и практическими – давал воду для питья, орошения, а также служил естественной преградой на пути непрошенных гостей. Поселения, разрастаясь, стали обводиться искусственными реками – рвами, наполненными водой. Теперь человек мог селиться и не в речном изгибе. Он обносил поселение частоколом: божество небесное все равно видело, что люди, поклоняющиеся ему, живут внутри круга-оберега.

Таковой, на мой взгляд, была идеология первого иероглифического знака города-«круга».

Термины, появившиеся в тот период – **bur*, **pur*, **ur*, **burg*, получают нарицательный смысл – «укрепленное поселение», «город». В этом качестве мы встречаем их в *burg* – крепость (нем.), *pur* – город (др инд). Из нарицательного вырастает в собственное – *Ur* – древнейший шумерский город на Тигре. [На этом этапе протобулгары получают слово **ur* – «род», «племя». В чувашском – *ar*. Как давно расширился губной в этом слове? Уже в египетскую эпоху оперируют «луной» **ar* и с точкой – *ra* – «солнце» (др.егип.).]

...Был соблазн привлечь сюда имя другого великого города Двуречья – *Uruk* (**urk?*), которое на шумерском значило «община». Хорошо согласуется с *uruk* – «род»,

«племя» (тур.), **uruw** – т.ж. (каз.). Но удержала отчетливо видимая морфологическая структура: *ur-ik > ur-uk > uruk. Слово построено по огузской схеме «императив + ik = существительное». Появление уменьшительно-отрицательного суффикса было вызвано возникшей в «месяце» («лунке») точкой. Реакция на такое усложнение знака отразилась в uruk, uruk – «семя» (каз.). Полный круг не давал основание для подобной ассоциации.

...В чистом виде круг описан ныне только в славянском слове: **krug** (*urg > hurg > hrug). Появление точки-черты вызывает смягчение всего названия. На этом этапе «месяц» изменил свое положение, стал северным, и черта вниз от него образует крюк (клюк > клюка, клюшка).

Немцы еще видели «южный месяц». Соединение «копья» с «рогами» поняли по-своему: **krig** – «война»

III

Появление точки в круге (южном полумесяце) славянские диалекты отмечают, развивая название основного знака аффиксом ***ha ☺ ☉ *krug+ha > kruha, kroha. Полученное общее название переносится на точку: кроха, кроша, крошка. Балты заимствуют: **krušas** – град (лит.), **krusa** – град (лтш.), **krušu** – дроблю, толку (лит.). Родственно русскому «крушу» (сокрушаю).

...Напрасно слависты не обращают внимание на регулярное чередование медиаторов «гортанный/губной» (рефлекс eho/evo, toho/tovo). Этимолог, обладая знанием такой закономерности, понял бы причину разности форм «одегать/одевать» и т.п. А в данном случае **kruha** / ***kruva** > **krupa** – крупа (рус.), град (серб., хорв., чеш., словц.), **крупка** – крошка (болг.).

Выделяется новый суффикс отрицания *-а, и чтобы теперь наименовать точку, создается методом «отрицания отрицания» слово ***krup** – мелочь, мелкий. В балтийских обогащается показателями имени: **krupis** – малыш (лит.), **krups** – крохотный.

Славяне, отталкиваясь от названия точки – «мелкого», получают возможность наименовать окружность, символ немало: ***krup**-по.

[...В каком-то диалекте отрицанием отрицания называется не точка, но другая деталь, посчитавшаяся основной: ***hrub** – 1) klub – шар (слав.). *glob – шар (ром.).

Вероятно, это остаток названия знака с чертой. Оппозиция ***hrub** («груб») и ***hrib** («хлип») порождена противопоставлением круга («луны-месяца») и черты. ☉ – ***hrub** / ***hrib**. Общее название ***hruba** – «голова». Сложный знак выступал под тремя названиями. Одно из них в какой-то период станет общим, и все предметы, внешне похожие на иероглиф, получат наименование – «гриб». Задержится на популярном споровом растении, которое будет посвящено солнцу и, значит, приноситься ему в жертву на огне. Ритуальную трапезу всегда делили по справедливости: солнцу – дух, солнцепоклоннику – остальное. Грибы станут принимать в пищу.]

IV

Города в виде круга (в плане) уже построены лунопоклонниками. Новая вера требует внести коррективу в генплан – материализовать точку (черту, крест). В центре города воздвигают дворец Дитя солнца или устанавливают столб, который сверху, из зенита, видится точкой. Или – в центре города – круглая площадь. Совмещение – круглая площадь со столбом = амфитеатр (концентрические круги). От центральной площади («кружочка») радиально расходятся четыре улицы («лучи-крест»). В письменности Египта появляется идеограмма: ⊕ – «город». Три таких знака, сгруппированных в своеобразную пирамиду (два в основании, один сверху), обозначают – «область», «округ». Некогда – «страна», «государство», если предположить, что до эпохи фараонов территория Нильской империи состояла из нескольких «удельных княжеств», которые в унифицированном государстве получили статус провинций.

Этот символ города распространился в Средиземноморье. Греки применяли его в этом же значении. Возможно, вариант с точкой был ведом и основателям Рима.

V

«Вечный город не сразу строился». Поначалу (в VII в до н.э.) он был заштатным городишком в этрусской провинции Lati (Лация), Несколько племен Этрурии (из Двенадцати) прикладывали к нему свои руки – строили, правили им. Об этом говорит эклектичность форм имен города, принятых в латинский, который благодаря выработанной в имперском бытовании всеядности ни от одной не отказался. Ни от **urba** – 1) «город», 2) «Рим» (с закрытым начальным слогом), ни от **Roma** (**Ruma**) – «Рим». С начальным слогом, открытым метатезой плавного: ***urma**.

Угро-финны унесли его из форм – **urma** – «поселение», «стойбище», «стан» (коми).

Тюрки в тысячелетиях кочевничества утратили за надобностью значение «город». Все названия поселений городского типа в современных тюркских языках заимствованы: **kala**, **kalak** – крепость (араб.), **šaar** – город (араб.). [○ – šar – круг (шум.), ☉ *šaar.] Из арабского диалекта пришло в имена городов – **abat**; Ашх-абад, Ленин-абад, Сталин-абад. [○ – u; ☉ – au (av, ab). С древнесемитским окончанием ж. р. *ab-at.] Захватив Согдиану и Бухарию, кочевники не переименовали персидские города – Самар-канд, Сар-канд. Использовали детерминатив и в своих наименованиях городов – Шим-кент, Ташкент... [☹ hen – человек, ☹ hent – народ, племя (протором.), ☹ haun; ☹ haunti > hauntin ... > hauntir > haun-tri > countre – страна (англ.). Таким же был знак и швейцарского canton – «провинция», «область».]

Знак ☉ огузами назывался **uryk**, **uruk** – 1) построенное, возведенное (от глагола ur – строй, воздвигай), кипчаками – **urba**, **urpa**, **urma** – т.ж.

Вторичные переносные значения сохранились – **uruk** – 2) род, племя (тур.), 3) семья (каз.), **urpak** – 4) поколение, потомство (каз.). Сильное влияние огузов приводит к закрытию последнего слога в кипчакском: ***urpa** > **urpak** и вытеснению основного значения, которое приняло на себя кипчагизированное огузское: ***uruk** > **uruw, uruu** – род, племя (каз.).

Культурное взаимодействие предполагает и взаимобмен лексикой. Знак теперь уже с кипчакским названием толкуется в огузской среде. Грамматист переносит общее наименование на окружность. В результате: **urba** – 1) оболочка, 2) одеяние (тур.).

Славяне характерно перестраивают начальный слог в полученном термине: ***urba, urbah** > **ruba, roba**

Конечный гласный принят за окончание женского рода, это повлияло и на смысл слова, и на форму: **ruba** – «женская сорочка», **rubas** – т.ж. (слвц.). «Восстанавливается» муж. род: **rub, rob** – «мужская одежда». Но теперь слово совпадает формой с другим ***rub, rob** – «раб», и контаминация семантик приводит к **rub, rob** – одежда раба > плохая грубая одежда, рубище (юж.-зап.слав.). В восточнославянском **roba** – «рабочая одежда».

Избежала этих переживаний форма с закрытым конечным слогом – ***rubah**. Славяне открыли слог протетическим гласным – **рубаха**.

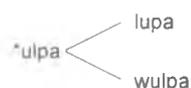
(В «Этимологическом словаре» Фасмера статья, посвященная происхождению слова «рубаха», поражает шедевральной краткостью: «От глагола руби, рубить». Можно было согласиться, если бы речь шла об избе, срубе.)

Итог. В форме и значении латинских слов **urba, Roma** зрима дактилоскопия тюрко-кипчакских и славянских грамматистов. Латинский язык терпимо относился к закрытому и открытому начальному слогу, и потому метате-за плавного в этом слове произведена другими. Народы, входившие в Этрусскую Федерацию, оставили следы своих языковых норм в словах золотой латыни.

VI

Гербом города мог быть вариант знака $\oplus \nabla$ – **urpa** > **gupa, roma**.

Острый угол **ur** был истолкован как «раскрытая пасть волка», воющего на луну. [А затем – «пасть хищника». Не тогда ли появляется ***ul** – вой (выть) (тюрк.) и лат. **ululo** – выть (***ul-ul-o**). Удвоением достигался первичный глагол. Окончание – инфинитив. Огузизм: **uluk** – «воющий» > **vulyk** > **vul'k, volk, vik**. Кипчаки создают свой термин: **ulpa (ulma, ulba)** – т.ж. В этрусской среде начальный слог открывается двойко:

Романцы заимствуют обе формы: 1) **lupa** – «волчица» (опять – «жен. окончание») > ***lup** – м.р. > **lupus** – волк (лат.); 2) **wulpa** –

лиса («остромордая»). Перенос внимания на обратную сторону знака). Германцы заимствуют: ***volp** > **volf** – волк]

Итак, в конечном этапе развития совпадают названия вариантов знака: $\oplus \nabla$ – ***Roma** = (**lupa, *luma**) – «Волчица и двое». Угол – саму пасть прародителя – называют отрицанием отрицания – ***Rom** (***lom**). А как наречь близнецов? Для имени одного используется уменьшительный аффикс: ***Rom-ul**, для другого – умлаут: ***Rem**. И придали им, легендарным основателям Рима, почему-то обоим мужской род, несмотря на явную противоположность друг другу – **Romulus** и **Remus**. Вот такие ребусы поможет решать Таблица

Первые = высшие

Когда-то сестренка затеяла переписку с ровесницей из Чехословакии, тоже пятиклассницей. Дворец пионеров тогда налаживал интернациональные связи школьников. После первого же обмена письмами моя Жибек отказалась дружить с Хеленой: «Она написала, что учится на одни единицы! А я же отличница».

Втолковать ей, что в Чехословакии единица – это высшая оценка, мне так и не удалось. Втолковывал сам, не будучи убежденным: действительно – кол он и есть кол. И ничуть не больше! Думаю, и Хелена, получив сообщение о круглых пятерках Жибек, испытала такое же потрясение.

Два отношения к первому числу уживаются во многих культурах. Первое – это начальное («первый класс»), первое – это высшее («первый класс!»). Первоклассный мастер вовсе не «первоклассник».

Первый в учебе, в труде, в спорте – это передний. Он поднимается на высшую ступень пьедестала почета, обозначенную цифрой 1. (Все еще пытаюсь дообъяснить сестренке.)

Традиция возвеличения Первого родилась в процессе осмысления знака Сына Солнца, когда точка и черта стали пониматься как единицы. Контаминация архаичных и новых смыслов привела к синкретическому – Сын Солнца – это высшее, Первое Лицо Единственного числа.

Такая семантическая комбинация произвелась и в культуре этноса («бараньего диалекта»), называвшего весь сложный знак звукосочетанием *****meŋ** = **beŋ** > ****bel** > ****ber (per, mer)**. Наименование было перенесено на точку (черту): **ber** – один (тат., башк.), **per** – один (чув.), **bir** (в большинстве тюркских), **pir** (алт.).

Утверждается новый способ обозначения чисел: количество точек или черт должно быть обнесено кругом (или полукругом). Но сколько «звездочек» влезет в «луну»? Одна, две, три. Непрактичность таких цифр быстро себя проявляет. И потом это разрушает гармонию священного знака. Грамматисты оставляют в луне только одну точку (черту). Она станет уникальной, божественной цифрой, обозначающей Первого и Единственного. Во вселенной и в обществе. Господа, а потом и господина.

Эти переживания мысли происходят сначала в тюркских культурах. Из них расходятся к соседям.

Период культурного возмужания прототюрков пришелся на времена юношества эллинской и романской цивилизаций. Об этом рассказывает генеалогия некоторых греко-римских числительных. И в первую очередь – история **первого порядкового числительного**.

Общее название знака **ber (per)** перешло на деталь (точку, черту) и стало количественным числительным. Как теперь наречь весь комплекс? Необходимость в том, вероятно, была. Круг или угол к той поре уже известен как цифра ***un** (**он**) со значением «десять». (В древнетюркском **un/on** – десять. Будем считать, что носовой избавлялся от небно-гортанности задолго до Орхоно-Енисея.)

⊙ **ber (per)-unda** – «один в десятке» (первый)

⊙ **iški-unda** – «два в десятке» (второй)¹.

Не знаю, сколько еще точек (черт) вместились бы в круг, остановимся пока на этой паре реконструкций. Могла получить хождение и другая, не столь грамматикализованная форма описания знаков: **ber(per)-un** – «один-десятка» (первый), **iški-un** – «два-десятка» (второй).

Если существовали социальные ранги и знаки отличия, как ныне кокарды и погоны, то по крайней мере «тузы» общества обозначали себя одной звездочкой в круге, как некогда – Бога.

Но был ли второй (с двумя звездами или полосками) выше первого? Скорее всего, нет. Вторая по значению ступень иерархической лестницы. Скажем, вице-король, отвечающий за военное дело.

В средневековой Японии была каста военачальников – **сōгун**.

(Майор британских колониальных войск в Иране Роулингсон увлекался «персидскими древностями». Ему принадлежит честь открытия барельефа на скале в горах Бехистуна, неподалеку от места летней резиденции ахеменидов. Майор расшифровал и надписи, сделанные древнеиранской слоговой клинописью VI века до н.э.

Барельеф изображал великого Дария, восседавшего на престоле. Перед ним стоят девять фигур – плененные участники заговора против шахиншаха. Девятым – явно не перс. Персонаж в остроколенном головном уборе. Над его головой надпись **sk-un-ha-s-ak**.

Роулингсон узнал упоминаемый Геродотом этноним 'o Sakos – «сак» – «кочевники Центральной Азии»: 'o(ko) артикль мужского рода; – os – окончание мужского рода.

Определившись с двумя последними знаками (**s-ak**), исследователь объединил остальные, предложив считать полученное звуко сочетание антропонимом: **skunha-sak**. Так Скунха-сак вошел в историографию.

Каждое имя некогда было словом-понятием. В мировой ономастике соответствий **skunha** не обнаруживается. И в словарях также.

¹ Из числа тюркских названий «двух» наиболее архаичной представляется уцелевшая в уйгурском **iški** – «два». От нее **ikki** – два (узб.), **iki** (тур.), **eki** (каз.) и др.

Надпись не пострадает, если мы попытаемся распределить слоги в ином порядке: **skun hasak**. Титул и этноним «**Вождь (воевода) хасак**». Праформа могла быть ***iškun kasak**. Буквально: «Второй касак», а если учесть озвончение между гласными, то устно – «казак».

Этноним мог произноситься в диалектах и **kosak**, что привело к переразложению в древнегреческом ***ko sak(os)** > 'o **sak(os)**.

Пока будем считать возможным, что этноним **kazak** (**kasak**, **gazak**, **gzak**, **kozak**) находит своего предтечу в звуко сочетании **hasak** из Бехистунской надписи VI века до н.э. **Skun hasak** – «Вождь (воевода) хасак».]

II

Если японское **сōгун** – «воевода» согласуется с «хасакским» **скун** и древнетюркским **sogun** – «олень» (предметное толкование знака рогов, перечеркнутых двумя вертикальными линиями – «многорогой»), то праформа ***iški-un** – «два-десятка (десять)» требует повышенное к себе внимание. В языке алтайских тюрков сохранилось сложное числительное **iki-on** – 20 (**iki** – два; **on** – десять). Составляющие не слились в монолит и потому каждое сохраняет свою рядность.

В казахском и уйгурском языках действует производное правило. Если в потоке речи встречаются гласное окончание и гласное начало следующего слова, то один из гласных редуцируется.

***iški un** должно было произвестись при фузии как ***iškun**. Такая традиция могла сказаться на форме бехистунского термина **skun**.

В «полногласном» диалекте, прослаивающем стык согласных слоговым «а», возникает ситуация, характерная для большинства тюркских языков: любой (?) согласный в интервокальном положении озвончивается. Например, в казахском: **жак** – жги, **жага** – жгя, **жжа**; **жару** – жечь. **Бак** – паси; **бага** – пася; **шап** – руби; **шаба** – рубя и т.п.

Наше **skun**, преобразовавшись в ***sakun**, должно было претерпеть озвончение гортанного – ***sagun**. И слоговой протетический огубляется под влиянием ударного губного – **sogun**. (Пока непонятна причина смягчения в японском ***sōgun** – сōгун.)

III

Этнос, культура которого ввела в обращение более грамматичное название знака с двумя точками (чертами) в «луне», по-видимому, не уходил на восток так далеко. Он обрелся в Южной Европе, где и оставил следы в виде **iskunda** – «два в десятке (десяти)» – «второй».

Мы уже не раз замечали, что слова, попадающие в латинский с окончанием «а», ошибочно воспринимались

как лексемы женского рода. И переводились в мужской². Так, **secunda** – «вторая»; **secundus** – «второй, следующий, другой».

Тюрки не сохранили такой суффикс порядковых числительных. Он был слишком прозрачен. Служебное слово должно исказиться до неузнаваемости, чтобы стать формантом. Иначе внимание произносящего отвлекается от главного, корневого значения. В права суффикса первичное служебное слово – **-unda** («в десяти») вступило, изменив качество под влиянием качества корневых звуков. Это случилось в диалекте, в котором гласное окончание основы **слилось** с гласным началом служебного: ***iški-unta** > **iškiunta** > **iškiunta**.

Шумерская гармония гласных: все гласные слова должны соответствовать корневному. Тюркская поправка: и качеством. При этом все фонемы изменяют качество.

...**iškiunta** > **iškiinti** > **ikkinti** > **ikinti**. В большинстве тюркских принят суффикс порядковых **-inči** (после мягких основ), **-unčy** (после твердых). И только в некоторых текстах VIII века еще сохранилось древнейшее **ikinti** – «второй».

В татарском и башкирском – **enče** (**ikenče** – «второй»).

В славянских языках история форманта наиболее сложна: – ***enti** – суффикс порядковых (***trenti** – третий), дробных (***trenti** – треть, ***četver-enti** – четверть), вторичных количественных (***p-enti** – пять; **dev-enti** – девять; ***des-enti** – десять).

Тюрки свободно ориентируются в качестве форманта. ***iki-inti** > **ikinči** – 2-й; **un-ynčy** – 10-й.

В славянских так и не устоялся сингармонизм: мягкие и твердые формы путаются. В итоге оппозиционная пара ***-anty/*-enti** (**-aty/-eti** > **iati**) скрещивается в синкретическое образование **-iaty** («девятый» вместо «девятый», «десятый» вместо «десятый»)³.

В романских и германских числительных **-enti** (**-enta**, **-iinti**) сохраняется самое древнее, прямое значение – «в десяти». Это суффикс десятков: **twenti** – 20 (англ.), ***tū-enti**. Менее сохранены двадцатки в романских: **venta** – 20 (ит.), **viginti** – 20 (лат.).

(Это числительное очень важно, так как обозначает первое предельное число – количество пальцев всех конечностей. Другие высшие числа измерялись чередой двадцаток.)

В английском суффикс удержался в полном виде только в названии этого предельного числа. В других он выродился в **-ti**. Итальянцы сохранили: **trenta** – 30, **kvaranta** – 40 до **novanta** – 90.

Так же и латиняне.

² **q** – **arba** – дерево (ж.р.), **arbus** – дерево (м.р.). Но производное ***erba** – «трава» свидетельствует о первичности «женской» формы названия высшего растения. Или **lupa** – «волчица» от ***ulpa** – «воющий; волк (тюрк.)», откуда и **wulpa** – лиса (лат.). Искусственные муж. формы – **lupus** – волк, **wulpus** – лис.

³ Протетическая йота возникла только после мягкого узкого, чтобы он не путался с грамматическими окончаниями: зодчи > зодчий; казначи > казначий, казначей...

Очень интересно название сотни, явно содержащее тот же суффикс: **centa** – 100 (ит.), **centum** (лат.). Но в сложных выступает похожее на праформу ***centi** (**centipes** – «стоногий» при **pes** – «нога»; **centigranius** – «большой колос», букв. «стозеренный» и т.п.).

Возможно, внесет прояснение сложное числительное, сохранившееся в германском **thousand** – 1000 (англ.), фонетическая запись **tauzend**.

Мягкость суффикса лучше проявляется в славянском **тисяча** (укр.), **тысяча** (рус.), **тысеца** (болг.), **tisutha** (серб., хорв.), **tisoča** (словен.), **tisic** (чеш., словц.), **tisiac** (пол.), **tysac** (в.-луж.).

[Фасмер: «Праславянск. ***tycontu** и ***tyseinti** – с наличием афонических вариантов в формах склонения свидетельствуют об исконном характере славянских слов. Родственно др.-прусс. **tūsimtons** вин.мн.; лит. **tūkstantis**; лтш. **tūkstuotis**; гом. **thūsundi** – «тысяча». Выдвигают предположение о происхождении от и.-евр. ***tūs** (откуда «тыть», лит. **tukti** – «жиреть», лтш. **tukt** – то же) и и.-евр. ***kmtom** – «сто», то есть первоначально «большая сотня».]

Гадания со сложением наукообразных среднеарифметических ***tūs** + ***kmtom**, из которых Бог знает как образовывается сумма – **tauzend**.

Постоянно убеждаешься – придуманные «праформы» языковедов не имеют ничего общего с ясными и гармоничными лексемами, созданными языковтворами. Наука давно могла бы выйти на суффикс европейских десятков и сопоставить его с суффиксом тюркских порядковых. Но для этого необходимо было преодолеть берлинскую стену, разделившую языки Евразии. Идеология сия помешала лингвистике стать настоящей наукой. Иначе мы уже знали бы о закономерном чередовании дифтонг/долгий/мягкий в евразийских словах, передававшихся письменно⁴. А числительные, тем более сложные, вполне могли распространяться не устно. «Историко-культурные соображения» теперь не в силах помешать нам сравнить тюркские **tūsinči** (**dūzenči**) – «100-й» (праформа: ***tūs-inti**, ***dūz-enti**) с германским ***tauzendi** и славянским ***tūsenči** > ***tisenči** – «1000 (100.10)»

В каком-то из протороманских диалектов произошло переразложение. Начальный слог совпал звучанием с названием десяти (***des**, ***dis**, ***ti**) и предположим ***tis-sent** – 1000 этимологизировалось как 10 • 100. С выделением ***sent**, ***cent** – 100.

Это могло произойти еще в Древней Передней Азии, где индоевропейцы оснащают полученное числительное суффиксом женского рода и окончанием существительного, заимствованными из древнесемитского: ***sentum** (***centum**)

Балты заменяют на свой мужской род: **šimtas** – сто (лит.), **simts** (лтш.).

⁴ Ср. ***auric(os)** = **orik**, **urik**, **erik** – 1) абрикос, 2) любой косточковый плод (тюрк.). То есть: **au/ō, ū** (индоевр.) = **ō, u, e** (тюрк.). Это заметно и в письме: **> u** > **u** (авест.) **> u** > **ū(ō)** – в древнетюрк. алфавитах.

Древние индоиранцы не развивают носовой согласный в губной, как балты, но просто опускают его: ***sentum** ***setum** Закономерный сдвиг переднерядного корневого гласного в заднерядный, произошедший еще до санскрита, завершает картину: **sat'm** – 100 (авест.), **šatam** – 100 (др. инд.). В тохарском уцелел мягкий, и они обошлись без семитского суффикса: **kānt** (***cent**).

Готы огрубляют гласный: **hund** – сто.

Ирландцы теряют носовой: **cet** (***cent**).

Итальянцы типично открывают конечный слог, редуцируя финальный согласный: **cento** (***centum**).

...Славяне получают слово в форме ***seto** и типично преобразуют – ***seto**. Сравните **setne** – сотня (пол.).

Безударный редуцируется: ***сьто**, **сьто** – 100 (ст. слав., др. рус.). **sto** (болг., чеш., словц., пол., н-луж., в-луж.). Русыны заимствуют из славянского ***сьто** > **suta** – 100.

Полногласная форма распространяется по Европе: **sata** – 100 (фин.), **sada** – 100 (крым.-гот.). Вероятно, была и форма ***hato**, переходная к греческой закрытосложной **ehaton** – 100.

...«Открытие» грамматиста, ставшее следствием его «народной этимологии», распространилось по языкам этносов, включавшихся в разное время в культурный союз. Впоследствии эти языки компаративисты объединили в индоевропейскую семью.

Протороманцы уже доминировали в «союзе». Этому этапу прешествовал период бытования в ДПА, активного взаимодействия с древними семитами и прототюрками.

Картину эту подсказывают словари.

Переразложив название тысячи, романцы принесли его в жертву сотни. Поэтому потребовалось новое числительное, выражающее предельное число. Источником заимствования оказалась все та же среда (тюркская): **myŋ** – 1000 (кипч.), **miŋ**, **ming** (карлук), **bin** (огуз.). Родственное: **min**, **men** – много (кит.), **menicc** – многочисленный (др. ирл.), **minia** – толпа (лит.).

Праформа: ***meŋ**

Умлаутной форме должна соответствовать аффиксальная: ***muŋ+ta** или ***muŋ-i** В славянских: ***myng+a** > ***мъnaga** > **mnogo**. Прослоение неприемлемого стыка согласных **ng** протетическим слоговым гласным, принявшим на себя ударение, вызывает редукцию безударного гласного и в первом слоге, и в последнем: **мъногъ** – «много» (ст. слав.).

В большинстве славянских гласный сокращается только в начале: **много** (рус., серб., хорв.), **mnogo** (пол.), **mnoho**, **mnohy** (чеш., славц.).

В ниже-лужицком произошел переход носового в плавный: **mlogi** – «много» (закон NLR).

Из славянского ли заимствуют готы: **manags** – «многой»? Или это результат развития праформы ***muŋ-a** > ***mun-ah**? Отрицающий префикс обрел закрытосложную форму.

Другие германцы, вероятно, использовали флексию-аналог *i: ***muŋ-i** > **many** – «многие», «много» (англ.).

Возможно, сюда же надо отнести романское ***mang-i** – «большой, великий»⁵.

Таким образом, совершенно очевидно выстраивается семантическая последовательность **много** > **тысяча**. И устанавливается тождество умлаутных и аффиксальных форм названия какого-то сложного знака, подозрительно похожего на знакомый нам иероглиф с точкой:

U O – **muŋ** (**buŋ**)

(·) (⊙) – 1) **meŋ** (**beŋ**), 2) **muŋ-a** { **mung-a** } 3) **mun-i**
{ **muŋ-ah** }

Толковали по-разному. Круг сам по себе выражал предельное множество. Название его стало кипчакским определением тысячи: ***muŋ** > **myŋ**. Диалектный ***mun**, пройдя испытание NLR, превратился в **mul** (**mol**) – 1) крупно, 2) множество (тат., каз.). Появление точки в круге воспринято было одними как увеличение множества, другими как отрицание множества: ***mol-a** > **malo** (слав.); ***imol** > **ih-mol**, **iš-mol** > **smol** – малость (англ.). Запись фонетическая. Современная – **small**.

Но огузо-карлуки и китайцы истолковали весь знак (круг с точкой) как выражение множества ***meŋ** (**beŋ**) > **ming** – 1000 (узб.), **bin** – 1000 (тур.), **min**, **men** – много (кит.).

Разность значений на первый взгляд несущественна. Но переход от абстрактного множества к конкретной численности знаменует собой определенный качественный скачок в развитии культуры. Вероятно, мы встречаемся с первой общечеловеческой цифрой, обозначающей предельное число.

В кипчакских мягкое название присвоила себе точка: **meŋ** – «родинка» (каз.), **miŋ** – т.ж. (тат.). С родинкой на лице – к счастью. Таких детей спешили назвать **miŋli** – «с родинкой». У татар много имен типа Минли-Ахмет, Минли-бай, Минли-гази и т.п. Не это ли название знака ставшего цифрой, произнеслось романцами с удвоением плавного под воздействием «итальянского рефлекса»: ***milli** – 1) (знак) с пятном, «родинкой» = 1000. Финальный гласный совпал с окончанием множественного числа и «восстанавливается» единственное: **mille** – 1000 (ит., лат., фр.). (Только в испанском почему-то **mil** – 1000. Неужели непосредственно из ***miŋ**?)

В сложных числительных, выражающих суперчисла, финальный **i** сохраняется.

milli-on (***mini-on**). Ср **on** – «десять» (тюрк.)

milli-ard (***mini-ard**). Ср **ard**, **art** – «предел» (тюрк.).

...Мы знаем, каких высот достигли египетские и шумерские математики. Без их расчетов, оперирования невероятными числами, постичь которые и современная математика не всегда способна, невозможны были бы тысяча и одно чудо света, оставленные нам для разду-

⁵ ***mag-i** > **magis** – больше, более (лат.), ***mang-i** > **magn-i** > **magnus** – большой, крупный (лат.). Отсюда **magno** – великий (ит.), **magnatus** – вождь (лат.).

мий. Ежели знак \odot , названный кипчаками описательно **miŋli** – «с родинкой», совпал с огузо-карлукской цифрой \odot **miŋ** > **ming**, **bin** – 1000, то мы должны допустить, что числовое значение огузо-карлук. цифрового знака перешло на кипчакское название: ***miŋli** – «1000» (протороманск.). Об этом свидетельствует форма числительного ***milli**.

Кипчаки, имевшие цифру \bigcirc – **miŋ** > **mup** – 1000, некогда определили точку как выражение сверх предельного числа \odot –1001.

Если предположить, что романская праформа соответствовала огузо-карлукскому **miŋli** – «обладающий тысячу», тогда надо допустить, что доходили и до таких чисел, как «десять в тысячной степени» (***minli-on**), что нереально. Математики новых поколений смогли освоить только десять в шестой, девятой и двенадцатой степенях. Названия для этих грандиозных понятий добывали способом народной этимологии: использовали вариант «миллиона», исходящий от огузского **bin** – 1000, ***binli-on** > **billion**

Осмыслили это слово, опираясь на латинскую приставку **bi-**, придающую значение «двойной», «двойкий». От слова **bis** – «два раза», «дважды», «вдвойне». И тогда остался шаг до **триллиона**.

Введение этих новаций обесмыслило остающуюся без понятия часть слов – **-illion**.

Но разбираться в этом не было необходимости, ибо в науке уже торжествовал принцип – слово произвольно!

IV

Один и тот же священный знак, путешествуя во времени, обрастал множеством значений, подчас крайне противоположных друг другу.

\odot Φ – «множество», «мало», «единица», «первый», «высший»...

В зависимости от «точки зрения» грамматистов, от их отношения к точке (черте), она толковалась то как знак увеличения (возвеличения), то предметно, как символ малого, части в противоположность кругу (большое, целое).

Одним из самых удачных скрещений диалектных смыслов оказался синтез «высшего» и «первого» («начального»), приведший к синкретизму – «Первый» (т.е. «Высший»). Такие открытия подготавливаются всем ходом развития социума. Ввели в оборот это понятие и первое порядковое числительное грамматисты языка, продолжавшего нормы б-Диалекта: ***ber (per)** – один; ***ber-enti**, **ber-endi (per-enti, per-endi)** – Первый (Высший).

В тюркских языках значения со временем опростились: **berençe** – первый (тат., баш.), **birinçi**, **birinşi**, **birindzi** – т.ж. (огузо-карлук-кипч.), **pirinçi** – т.ж. (алт.). Славяне заимствуют ***perinši** > **perši** – **перший** – первый (укр.). В этой группе должны рассматриваться славянские **передний** (***perendi**), **впереди**, **предний**, **прежний**.

В южно-европейском законсервировано и самое раннее значение, утраченное тюркскими: **berendi** – «Бог», «Господь» (алб.).

Праформа ***pirinci** прошла сквозь строй диалектов с сильной произносительной инерцией закрытого слога. В одном случае конечный слог закрывается редукцией гласного: **princ** – «принц», **princessa** – ж. р. В другом – конечным протетическим согласным. В латинском: ***princiw** > **princepus** – 1) первый, 2) главный, лучший, 3) глава, повелитель, властелин, владыка, 4) творец (лат.). Среди других значений этого слова выделяется мной «подстрекатель» («бык и стимул»). С суффиксом прилагательного: **principalis** – 1) первый, первоначальный, 2) главный, важнейший, 3) принцепал, старшее должностное лицо в муниципалитете; **principatus** – первое место, первенство, верховенство, господство, гегемония; **principium** – начало.

...Время господства атлетов. В вожди выбирали самых сильных и ловких. Тот, кто попадет стрелой или копьем в центр круга, в кольцо (\bigcirc), или выше всех выбросит молот (\bigcirc) – приблизит знак солнца к обожествленному светилу, или метнет диск с обозначенным центром (\odot), того награждали Венком, воплощением ореола, нимба над головой. Победитель становился ***princi**, ***princ**

В Риме наградой герою, выполнившему требования священного знака, была власть и ее символ – Венец (***Prince** > **price**). В английском **price** – 1) приз, 2) цена (победы?).

V

Знак Первого интенсивно прорабатывается. Он назывался и по-другому:

\odot Φ – **per-u (per-o)** > **per-vu (per-vo)** > **prevu (prevo)**⁶.

Наиболее представлены эти формы в славянских: **перво** – «сначала», первый (***pervy**) – в русск. и укр.; **първъ** (др.рус.), **првьъ** (ст.слав.), **първи** (болг.), **први** (серб., хорв.), **piŋvo** (др.пол.), **perwy** (н.-луж.).

Механически огрубляется корневой мягкий в названии «единицы»: ***pārvō** > **pravo**, **bravo**. (Ср. болгарское **право** – «прямо». Криками **bravo!** римляне приветствовали победителя состязаний. «Первый!»)

В индо-иранских мягкий так же видеоизменился: **purvas** (***pūrvas**) – первый (др.инд.), **paurva** (авест.). И опять тохарский, сохраняющий искусственный мягкий: **pārvat** – «старейший» (А), **pervesse** – первый, первейший (В).

Индо-иранские формы годятся для иллюстрации закономерного письменного чередования дифтонг / долгий / искусственный мягкий (au / ö / ö, ü).

[Тюркский сингармонизм проявил себя и в этом случае:

Φ Φ – ***per-uŋ** > **per-üŋ** > **per-iŋ** > **per-eŋ**.

Стремясь назвать черту, переворачивают слоговое написа-

⁶ В кипчакских есть разновидность числительного: **pireü**, **bireü** – «только один»; **ekeü** – «только два» и т.д. (каз.).

ние *iŋ-per* (*eŋ-per*) – «самый первый», «наипервейший». (Шум *en* – 1) «бог», 2) «наи-»; тюр. *iŋ*, *eŋ* – «наи-».)

Римляне осваивают знак предметно: «струя из облака».

В латинском *inber* – «дождь». Их примеру следуют тюрки: **eŋbir* > **iaŋbir*.

По закону сингармонизма качество «суффикса» ассимилируется качеством корневых звуков. Расширение начальной фонемы перевело все звуки слова в «задний ряд»: *iaŋbyr* – дождь (кипч.). Огузы: **iang-byr* > *iag-bir* > *iagmyr*, *iagmur* – дождь (Название 1-го месяца в лат. **gen-ber* – январь).

Другое предметное толкование: «головка жалящего насекомого»: **ün-per* > **üpir* – упырь-кровосос (рус.), **en-per* > **em-pir* > *iam-pir* > *am-pir* > *wampir* – кровосос (ром.).

Переход носового в губной перед другим губным типичен в романских. Грамматисты этого этноса из общего названия знака **imper* получили имя круглой детали. **imper+a* – империя. И от нее наименовали черту **impera-tor*.

Микропоэтическое виденье естественно сопутствует макропоэтическому. Предмет, созданный по образу знака, нарекли по правилу («плюс уменьшительный суффикс»): **iam-ber* + *ello* = **iambrello* > *ambrello* – зонтик (ит.).]

VI

И наконец, обособленно стоящая группа первого порядкового числительного: *primus* – первый; *prima* – первая (лат.), *primos* – первый; *prima* – первая; *primes* – первые (греч.). Я намеренно привел мн.число: эта форма для этимологии играет ключевую роль.

...Продолжим статистическую таблицу. *Pirmas* – первый (др.прус., лит.), *pirmais* (лтш.). Балтские формы архаичнее южноевропейских: в них не произошла метатеза плавного.

О возможности праформы **permes* (> *perme* > *preme*...) свидетельствует не только славянское *primo* – «прямо» (пряма, выпрями), описывающее вертикальную черту, но и синоним латинского **prince* > *price* – «приз», лексемы, несущей сходное содержание – *preme* > *premia*. Как выглядел греческий приз? Он вручался победителю состязаний за звание премьер-ера (Первого Господина). Полагаю так: Ψ – *premia*.

Римская и греческая традиции объединились в римско-греческую. Ныне победитель поднимается на высшую ступень пьедестала почета под номером 1, на шею ему надевают лавровый венок (Ψ) и вручают кубок (\cup)⁷.

Славянские кандидаты в князья, мне кажется, тоже метали молот к солнцу. Воспоминания об этом сохранились до XII века, автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к Ярославу Галицкому, напоминает ему о его спортивных подвигах. О временах, когда он «метал бремены через облака». Выражение это, ясное для современников,

после введения в Руси института наследственной власти стало непонятным, темным местом поэмы. Князьями теперь не становились, а рождались. Не надо было метать тяжести, стрелять в кольцо.

Φ – *breme* (*preme*) > *bremia* (*premia*) > *vreme*, *vremia*.

Этот же иероглиф для славян стал прообразом солнечных часов. Чертили круг на земле, втыкали в центр копье и тень от него, плавно перемещаясь по окружности, обозначала время. Как ныне стрелка – по циферблату.

VII

Происхождение индоевропейских порядковых числительных со значением «первый» не установлено. И праформа не восстановлена. Этимологи никак не могут вывести «среднюю арифметическую» из форм, столь различных. Консонантизм начального слога вроде бы у всех общий (во всяком случае, родственность этой части сомнений не вызывает), но вторая часть!

Попробуйте вывести из одного источника *primus*, *pervi*, *perši*, *first!*.. Да и начальный слог абсолютно неясного происхождения. Ни корень, ни суффиксы не знакомы индоевропейцам.

Если бы увязали числительное с титульным *princeps* (*princ*) и признали в них бывшее порядковое, тогда самые консервативно настроенные компаративисты вынуждены были бы обратиться к тюркским материалам. И, может быть, рухнул бы один из блоков стены «историко-культурных соображений» и постулат – «числительные не заимствуются».

Тюркские порядковые не страдают супплетивизмом: количественные соответствуют корням порядковых, и суффикс системно повторяется во всех. *Ber*, *bir*, *pir* – один; *berenče*, *birinči*, *pirinči* – первый. (*İški*, *ikki*, *iki* – два; *işkinči*, *ikkinči*, *ikinşi* – второй и т.д.)

И сравните латинские: *unus* – один; *primus* – первый; *duo* – два; *sekundus* – второй...

Индоевропейские порядковые создавались в тесном сотрудничестве с тюркоязычными народами. Первые два, судя по всему, возникли в начале I тысячелетия до н.э. в Средиземноморье.

И осознание первого порядкового как титульного слова способствовало созданию таких уникальных образований: *fürst* – первый (нем.), *first* (англ.). Первоначально: **per-ist*, **pür-ist* – «Первое лицо» в социуме. (С использованием латинского суффикса *-ist*, обозначающего деятеля, существующего.) Слова описывали черту-Единицу. Славяне получают предметное *perst* – палец.

Древние европейцы последовательно и, может быть, синхронно взаимодействовали с двумя потоками тюркского суперэтноса. В одном порядковые числительные создавались суффиксом *-inti*, *-inči* (огузо-карлуко-кипч.-алт. Условно – «общетюркск.»). В другом – суффиксом *-meš* (протобулг.).

⁷ Это не значит, что римляне не знали знака «кубка»: венцы не всегда были сплошным кругом. И греки называли «премией» не только кубок.

Ф Ф Составное наименование: «копье» (единица) – *per; «луна» (десятка) – meš.

Булгарское наследие наиболее ясно сохранилось в чувашском: per – «один», «одна»; permeš – «первый», «первая», «первое». (Чуваши, как и остальные тюрки, не признали необходимости категории грамматического рода.)

Суффикс проявляет себя во всех порядковых (ike – два, ike-meš – второй; viš – три, višmes – третий и т.д.).

...Начинается системность семантического соответствия: суффикс порядкового/суффикс десятка.

Мы приводили пример: *-inti (тюрк.)/*-inti (европ.). Другой не вышел за пределы тюркского суперэтноса: **булгарские порядковые/общетюркские десятки** Эту закономерность в состоянии были открыть внимательные тюркологи, если бы нашли время сопоставить хотя бы vultmeš – «шестой», etmeš – «седьмой» (чув.), о общетюркскими altmys – «шестьдесят»; jetmiš, jetmeš – «семьдесят».

И некоторые другие параллели (*igermes – «второй»; jigerme – «двадцать» от чув. iger – пара, двойня = общетюрк. iges – пара, двойня) позволили бы уверенно говорить о формуле: -meš (булг.) / -meš (общетюрк.).

Булгаро-балто-греко-римские контакты происходили в каком-то одном регионе, в рамках некоего государственно-культурного союза. Заимствованное из булгарского название священного знака этимологизировалось, что привело к переразложению с выделением ложной основы.

Дело в том, что и в балтских, и в греческом окончанием множественного числа было, -es, отбрасывая это звукосочетание, получили форму единственного: *permes > *permes > *perm-es И тогда удалось придать «восстановленной» основе родовые черты: *perm-us (-os, -as); *perm-a.

Балтские языки не выработали произносительной инерции, которая способствует «метатезе плавных» и потому сберегли конструкцию: pirmas – первый (др. прус., лит.), pirmaes (лтш.). Эти формы с узким гласным похожи на праформы римско-греческих числительных: primus, prima (лат.), primos, prima, permes – первые (греч.).

Судя по всему, южноевропейцы (скорее всего – греки) заимствовали знак с булгарским названием в два этапа.

В одном случае как титульный герб и титул – из языка-посредника, в котором мн.число выражалось окончанием -s: *premeš > primes. С выделением формы единственного *preme > premia

В другом – как цифру порядкового числительного. Здесь мы можем попытаться определить первого медиатора – балтские языки. И второй – диалект с выраженным синдромом «метатезы плавных».

История первых порядковых со всей очевидностью доказывает, что индоевропейцы в тот период культурного взаимодействия встречались не с мифическими пра-тюрками, но с вполне определившимися в своих языковых нормах протобулгарами (per-meš) и общетюрками (pir-inči).

Золотая латынь

Наша гипотеза, допускающая этап культурного сотрудничества в рамках этрусской федерации разноязыких народов, в числе коих могли быть романские, кельтские, греческие, славянские, германские, балтские, угро-финские и тюркские племена, подкрепляется данными этимологического анализа. Федерация городов-государств Этрурии была одним из первых полиэтнических образований Древнего мира. А в Южной Европе, по всему, – первым. В пределах этого государственного союза происходило взаимозависимое сожителство разноязыких социумов, объединенных общими нормами государственного общежития и общей письменностью. Приспосабливаемая к фонологически разнящимся языкам, она развилась в несколько разновидностей, что надо считать естественным: буквенные системы Европы, взошедшие из классического римского алфавита, отличаются между собой в значительной степени. То же вправе сказать о письменностях, произошедших от арамейского, греческого, арабского алфавитов.

Этруская письменность получала международное распространение, не выходя за естественные границы Апеннинского полуострова. **Латинская графика VII-VI вв. до н. э., по сути, была одной из нескольких разновидностей этрусского алфавита: перворимляне были частью населения Этрурии.** Их город-государство Lati (Latin > Latina) со временем уступает место центра небольшому городу Roma, основанному этрусками 2775 лет назад. «Латины» станут именовать себя романами, т.е. римлянами. И латинский язык возглавит список романских (римских) языков

Но до того, как Рим стал Римом, латиняне еще не возвышались над своими согражданами по федерации. Активно взаимодействуя, они обогатились духовными, материальными, лексическими ценностями этрусской цивилизации и опередили в развитии своих консервативных соседей. Латины первыми в Европе начали применять железное оружие, в то время как остальная Этрурия обходилась бронзовым. Латия крепла идеологически. Ее сепаратизм проявился в создании одного удивительного палиндрома. Формой самоидентификации стало деление территории страны на «свои земли» (LATI) и чужие (ITAL). Все, что не «Латия», это – «Италия», т.е. вся остальная Этрурия и другая чужая земля. Эгоцентризм, питая этническое сознание латинян-перворимлян, в апогее своей эволюции выразился идеей мирового государства. Сокрушая огнем и железом города ослабленной федерации, мужающий Рим воздвигал на ее руинах первую сверхдержаву. С завоеванием Этрурии железные когорты Рима отодвинули границы «Италии» («чужих стран») до северных морей и островов Британии.

Часть населения Этрурии подверглась истреблению, другая, ассимилируясь, стала компонентом полиэтнического населения Рима и подчиненных ему провинций, но большинство, надо думать, вытеснено за Альпы, на Балканы, на север и восток Европы – до Волги.

[Расследуя названия чужих стран и этнонимы в упомянутом курсе («переворачивали герб своей страны»), мы должны вспомнить, что названия при этом «переворачивались» не только палиндромом, но и другими способами – умлаутом (*Lat(y)/*Lat(i)) и аффиксально. Предки балтов могли унести одну такую пару – ставшую основой их этнонимов.]

II

Латинское наречие в развитом состоянии представляло собой тип языка, который можно назвать «имперским». Он обогащен чертами универсальности, возвышающими его над «национальными», не преодолевшими племенной ограниченности.

Займования из «этруских языков» должны, по идее, располагаться в самых нижних пластах латинского словаря в выражениях обиходных, демократических понятий. Что ели, чему молились, какие простые и сложные числа проносили на рынках, чем платили, во что одевались.

...Как называлась, к примеру, одежда римлян? Нижняя одежда без рукавов из тонкой ткани – *tunica*. И женщины, и мужчины поддевали тунику под верхние одеяния. Женщины сверху носили длинное, просторное платье – *stola*. Мужчин украшала – *toga*. Появиться в Риме без тоги считалось позором, признаком низкого общественного положения. Простонародье, беднейшие слои населения называли по этому признаку – *populus tunicatus* – «народ, носящий только тунику». Или проще – *tunicati*. Слово попало в латынь из древнеиталийского языка-посредника, открывавшего последний слог протетическим гласным. (Как ныне делают итальянцы.) Основа была – **tunis* или *tunic*. Завоевая страны, более жаркие, чем Италия, римляне увидели людей, не носящих ничего, кроме тонкой «книжней» одежды. И кличка их **tunis* – «туника», стала названием страны на африканском побережье Средиземного моря – Тунис.

Как этимологизируется определение нижней одежды? Пока никак.

...Мы уже говорили о возможности латинского происхождения кипчакского термина *tekemet* – ковер, покрывало.

Латинское *tekementum* – «покрывало, одеяние, одеяло». Простой квадратный кусок материи служил и тем, и другим, и третьим. В разных римских источниках слово приводится в диалектно-искаженном виде: *tekemen*, *tekmen* – т.ж.² Тюрко-кипчакские словари откликаются закономерно развитыми формами *tekmen'*, *šekmen*, *šekren*, *šekren* – верхняя мужская одежда.

Судя по форманту *-ment*, эти термины – производения латинской грамматики. И корень **tek* – прослеживается в *tēgo* – «покрывать», *tēgula* – «покров» (лат.). (Интересно, что глухой гортанный озвончился, как это системно происходит в тюрко-кипчакских).

Может быть, имеет смысл сравнить с общетюркскими *tek*, *tik* – 1) шей, шивай, 2) ужаль (острие, игла, жало). Некоторые европейские языки оснащают бывшее глаголо-имя именным аффиксом: **s-tek*, **s-tik* – «острие, игла». Не отсюда ли древнерусское «стигай», «стегай» – шей, шивай; стезя – 1) *шов, 2) дорожка; «стежка-дорожка» (речевой билингв).

Изменением качества гласного создавался антилог – название более тупого орудия, скажем, ткацкого утка, вязальной спицы: *tyk* – тычь, тыкай (каз.). В этом же ряду **tuk-ki* (**tok-ki*) > *tuku*, *toky* – «тки» (тат., каз.). Гортанный не озвончился, ибо ему предшествовал двоянный. Мягкий гласный форманта ассимилировался качеством корневых звуков. Чего, понятно, не случилось, в славянских. Зато сработала синкопа. Это доказывает, что в славянских языках в ту пору идеальным словом было односложное: **tok-ki* > *tki*, *tki*.

[Меня давно занимает экзотический аффикс *-is* (*-is*, *-es*), *-ys* (*-aš*), придающий глаголам именное значение: *sev* – люби; *seviš* – любовь (тур.); *süi* – люби; *sujis* – любовь (каз.); **sav* – бей; *savaš* – битва, война (тур.); *sok* – бей; *sogys* – битва, война (каз.). Многие кипчакские термины уже обходятся без именного форманта: *kun*, *gun* – «солнце»; *ut*, *ot* – «огонь» (кинч.). В турецких он сохранен: *güneš* – «солнце»; *ateš* – «огонь».

Доказывается ли этим, что основы в прошлом были грамматически синкретичными (глаголо-имя)?

Если да, то мы получаем объяснение способа, которым «разводили» слово по грамматическим категориям. Если за оным словом сохранялось только глагольное значение, то с суффиксом приобреталось именное. Но многие лексемы попросту утратили былую глагольность, перейдя в разряд существительных без добавочных показателей имени.

Из этого вихря развития в тюркских осаживаются два форманта отглагольных существительных. Один из них *-ik/-yk* (**is*). Активней используют его огузо-карлукские языки с сильной инерцией закрытого слога. Шумеры переводят синкретическое глаголо-имя в безаффиксное существительное: *tir* – жизнь (*- живи), *deš* – 1) *точка-единица, 2) один; *dil* – 1) *точка-единица, 2) *черта-единица, 3) один; *as* (**as*) – 1) *черта-единица, 2) один.

(Ранее выяснялось, что переход с пятеричного исчисления на десятичное заставил шумерских грамматистов передвинуть значения основных цифр на порядок, черта *i* стала обозначать пятерку, а угол *u* – десятку. Эта революционная подвижка должна была вызвать бурю в культуре: место одного из основных числительных оказалось вакантным. И по этой причине в шумерском, как ни в каком другом языке мира, одновременно появляются и синхронно функционируют три диалектные формы названия числительного один. Они, скорее всего, были наименованиями знаков, которые пробивались на роль единицы. Точка и вертикальная черта. Пятерку *i*, надо полагать, изображала черта горизонтальная, как китайская единица *i*.)

Тюрки участвовали в этом процессе. Об этом свидетельствует не только числительное *un* (*on*) – «десять», сохранившее в отличие от шумерской *u* – «десять» носовое окончание, но и варианты названия единицы.

¹ «Латинско-русский словарь» И. Х. Дворецкого. См. это слово.

² Там же.

Огузские языки отличаются от кипчакских тем, что озвончивают зубной вначале слова и образуют имя от глагола суффиксом -ik/-ук. В ходе этногенных процессов огузские и кипчакские племена скрещивались, создавая смешанные этносы, но с доминированием того или иного этнического начала в языке. Турецкий язык ныне можно отнести к огузо-карлукско-кипчакскому типу, казахский соответственно – к кипчако-карлукско-огузскому. В турецком имена образованы суффиксами -ik/-ук, -uk и лишь некоторые -me/-та. В казахском большинство отглагольных существительных характеризуются суффиксами -me, -be, -pe/-та, -ba, -ра. Но есть много и с огузским формантом.

Шумерскому первичному имени соответствует тюркский первичный глагол. Используя эту закономерность, можем восстановить формы прашумерских единиц и попутно выяснить ответ одной интересной загадки.

Тюркологи давно констатировали странное чередование s/l («ламбдаизм») в некоторых тюркских наречиях. В турецком языке эти диалекты оставили такое наследство:

deş – проколи, просверли; deşik – прокол, отверстие, дыра.
*del – проколи; delik – прокол, дыра, брешь, пробоина.

Синонимы вполне мирно уживаются. Для меня эта пара говорит о том, что протоогузы знали цифру точку – *deš (*del), позднее – deşik (delik). Кипчаки имели дело с теми же названиями, но разными знаками – точкой и чертой. Поэтому: teš, tes – прокальвай; teşik, tesik – прокол, точка; tel, til – полосуй; telik, tilik – полоса, черта. Итог этого небольшого экскурса: tir – жизнь (шум.) = *tir – живи; tirik – живой, живущий (тюрк.); dil – один, единица (шум.) = dil, del – 1) прокальвай, 2) полосуй; tilik – полоса (кипч.), delik – прокол, *точка (тур.).

И очень важное для индоевропеистики согласие огузских и кипчакских форм: deš – один, единица (шум.) = deš, teš, tes – прокальвай, делай отверстие; deşik, teşik, tesik – прокол, отверстие, *точка.

То есть шумерскому числительному deš соответствовала только точка, что подтверждают тюркские словари. (Майя унесли шумерские цифры в Америку: точка – «единица», горизонтальная черта – «пятерка». К сожалению, угол – «десятка» не уцелел. Это число передается двумя параллельными пятерками. Майя на том этапе сохранили традиционное пятеричное исчисление, хотя цифры заимствовали, уже относящиеся к протошумерскому десятичному.) В позднешумерском побеждает вертикальная черта-единица as. Теперь, найдя источник материала для сравнений числительных этого разряда, мы уверенно сопоставляем сие слово с названием древнетюркской буквы äs', которая представляет из себя вертикальную черту. При десятичном исчислении простой цифровой ряд, вероятно, обозначался крайними цифрами. Не только майя используют переднеазиатские числовые знаки. Достаточно фактов, мотивирующих возможность их распространения протоогузами. Они, как и шумеры, думаю, писали слева направо.

•	>
deš	un
один	десять

Семиты начинали строку справа. И угол у них стал обозначать единицу, а точка – десятку. В арабских цифрах угол-единица вертикализируется.

•	>
десять	один

Арабы не сберегли названия чисел. Но это сделали протороманцы, увы, утратившие впоследствии графическое изображение их.

•	>
deš	un
десять	один

Воинственное племя протороманцев государственно и культурно доминировало в союзе этносов, обитавших в северных районах Передней Азии и в Малой, откуда распространились языки, собранные в XIX веке в индоевропейскую сверхсемью. Некоторые из них в начале I тысячелетия до н. э. последовали за тюрками и романцами на Апеннинский полуостров. Другие подались на восток в поисках родины солнца и унесли с собой «священные писания», ставшие образцом высокой речи. Среди наследия «индоевропейского союза» в Передней Азии выделяется термин «санскрит», обозначавший особый язык высшей индийской касты «брахман» – священнослужителей. Шумерское bara, barah – «святилище» соединилось с индоевропейским man – «человек», «муж». В языке с идеальным двусложным словом при развитии лексемы произошла синкопа – *barah + man > brahman. Открытие слога: «brahma», «Brama» (инд.). Закрытие слога: abrahm, abraham, Abraam (сем.).

История сотворения мира изложена в «Монускрити»: раньше всего возникли воды, оплодотворенные семенем Дьяуса Питара, Бога-отца ☺, а из вод возникло золотое яйцо, с блеском которого могло сравниться только солнце ☼. В яйце родился Брахма, создатель мира, и провел там свой «год». Силой мысли он разделил яйцо на две половины ⊕: из одной получилось небо, из другой – земля. Чтобы можно было различать действия, он отделил заслуги от проступков, горе от радости, жажду от холода, сухость от влаги. Потом Брахма разделился на две части – мужскую и женскую. (Сб. «Боги, брахманы, люди» М., 1969, стр. 159.)

Этот сюжет, объединивший толкования солнечных знаков, был, вероятно, изложен в каком-то манускрипте («рукопись») романскими писцами, знакомыми с шумерскими культами и называвшими Бога-отца не ju-piter, но Diu-us-piter – «божественный Отец». Они знали и китайское šaŋ – «высь», «верх», šaŋ-di – Бог («высший, верхний»), вошедшее в латинский в форме sanctus – высший, святой, творец. Употребляли основное слово и без китайского суффикса прилагательного: šaŋ-scrituum > *san-scritto – «высшее писание», «божественное писание».

Через тысячелетия Вильям Джонс (1746–1794), познакомившись с санскритскими манускриптами, написал восторженный

отзыв: ставший основой сравнительного языкознания – индоевропеистики: «Санскритский язык, носящий настолько близкое родство с этими двумя языками (латинским и греческим) как в корнях глаголов, так и в формах грамматики, что не могло быть порождено случайностью. Они все произошли из одного общего источника». В тот период протороманцы были в силах распространить в культурах, входивших в индо-европ. союз: новые числительные **un-deš**. Индо-иранцы сберегли свое традиционное *i – «один». Для них новым было только название десятки, его и заимствовали.]

III

Вот что для нас открывается под туникой.

Слово это можно понять как пратюркское название одежды: *tun-iš > *tun-ik – «одеяние», «облекло», «оболочка». Мешает принять эту версию то, что ни в одном тюркском языке основа этого слова не встречается в глагольном значении, только – в именном: **tun, ton** – одежда (др. тюрк.). В древнеуйгурском отмечается и речевой биллинг: ton-kedim – «одежда+одеяние». (Казахское kijim – одежда, одеяние; от kij – надевай, одевайся. Чередование i/d.)

В средние века получает популярность сложное слово is -ton, ič-ton – «нижняя одежда». Понималось и пространственно как «одежда для нижней части тела». В этом значении термин отражается в древнерусских источниках – «иштони» – штаны (Срезневский).

[Возможно ли было *tun-is – «одежда нижняя»? В случае с греческим «basili» – «царь» (глава страны) мы уже рассматривали вероятность и такого синтаксического строя в прототюркских диалектах, сравнивая с древнетюркским il-basi – «царь», «страны глава».]

Полагаю, что в латинский поступили обе формы: *tun-is > tun-ik – «одежда нижняя» и *iš -ton > iš -tol – «нижняя одежда».

В языке-посреднике (романский диалект с инерцией открытого слога) конечный слог открывается протетическим гласным: *tunic-a, *stol-a. Нижняя одежда из тонкой ткани (туника) станет одеянием и мужчин, и женщин. Stola – верхним платьем женщин.

Схема сложного слова используется для названия обуви: aiak-kijim – обувь (каз). Дословно: «нога-одежда» > «одеяние для ноги». В турецком: aiak-kaby («нога-кора»).

Самая ранняя модель обуви – кусок коры, шкуры, привязанный к ступне. Прообраз будущих сандалий.

Эта разведка необходима, чтобы понять – употреблялось ли в романских слово *ton > *tol – «одежда» без дополнительного *iš? Помочь может романское название обуви, сохранившееся на окраинах Римской империи: *pes-tol (с лат. pes – «нога» = *pōs, poth).

«Постал» – «поршни, сандалии из сыромятины» (болг.); постол, посто – т.ж. (серб., хорв.); postol (словен.), postol' – «лапоть» (пол.), постыл (род.п. – постола) – в

украинском. В южных и западных русских говорах этот род обуви называют «постолы».

Скорее всего из южнославянских попадает в турецкий postal – «туфли». Из северо-западных славянских – pastala – сандалии (лтш.), postal – (эст.). И очень старое заимствование из протоитальянского *piede-tal – «нога-одежда» > padatale – 1) подошва, 2) вид обуви (др. инд.).

В другую сторону, но недалеко от Италии, ушел вариант этого слова, в котором узнается название одежды с предлогом – *stol. Это французское piedestal – 1) подошва, 2) «подставка для ног».

Пока продолжим тему шитья, тканья и одежды.

IV

Тюрки разводят названия ремесел качеством звуков. И потому, если «вышитое» – tegisti, tigisti (кипч.), то «вытканное», «сотканное» – *tok-a > *toga, *doga или с другим именованным аффиксом tokym, tokyma, doguma, dogma.

Вытканые узоры – это символы веры, гербы – письма, документы этноса, удостоверения его «личности». Они не менялись тысячелетиями, их, превращенных в традиционный орнамент, повторяло бесчисленное множество поколений ковровщиц. Как незыблемое уложение, закон, догма.

Романцы не придавали грамматического значения чередованию качества: тюркское tek, tik – «шей»; tegis, tekiš, tekš – «шов», «сшитое, цельное», «вышитое»; tegisti, tekišti, tekšti – «имеющее шов», «содержащее вышивку» – в латинском сохраняется еще одно важное значение – text – «текст». Игла была таким же орудием письма, как стило и кисть. Писанное иглой не стиралось, не размывалось дождями. Гербы и законы – вышивались.

В огузском наречии не узнается кипчакский суффикс принадлежности -ti и термин усиливается огузским формантом, придающим тот же смысл -li. *teksti-li. Так называют узорную ткань. Слово переводится заимствующей стороной на сам материал: textile – «ткань» (лат.). И выделяется корень teks – «тки», tekso – «ткать».

И опять появляется «тематический предлог». Славяне: stegi – шей; stegati – шить крупными стежками, steža – 1) шов, строка, 2) вереница следов, 3) стезя, стежка-дорожка. Стяжать – сшивать, собирать в целое. (Стяжатель – тот, кто собирал богатство, земли. Стягивал воедино.)

Орудия шитья stek – 1) игла, 2) прут (англ.)³.

...В диалекте со звонким начальным *dega появляется собирательное значение, приданное образным предлогом, выражавшим иероглифический знак оболочки: *odega > odeža, *odedža > odežda. Рефлекс медиатора g/w – odegа/odewa. Откуда – «одевать».

...Теперь мы находим, наконец, прославянское назва-

³ Нельзя ли сравнить предлог с именованным суффиксом в тюркских? Тек – «шей»; tegis – «шов», «строчка» и т.д.

ние нижней конечности, совместимое с общеиндоевропейским *buth. Тюрки сохранили лучше, чем европейцы. Сравните тюркское «but» – нога (кирг., гаг.) и foot – нога (англ.).

Бутцы, боты, ботинки, ботфорты... А славяне называли обувь *o-buth – «облекло ноги» > *o-buf – «обувь». (О закономерном чередовании th/f достаточно говорилось и в общем языкознании. Проявлялось в индоевропейских и тюркских. Как называли тюрки матрац, подстилку, постель? Tüthek. От tuthe – «постели, подстели». А славяне услышали «тюфек», «тюфяк».)

Когда мы сообща исследуем нижние пласты стратиграфии языков планеты («тунику словарей»), высокомерная тога «историко-культурных соображений» (И.К.С.) станет значительно прозрачней.

Футарк или футар

(Древнескандинавское письмо в Этрурии)

С чего начинается Родина?

С обложки в твоём букваре...

(Из песни)

Знания грамматики иероглифа применимы при анализе памятников буквенного письма переходного периода. Буква – бывший иероглиф (если не считать поздние, искусственные алфавиты). Буква – это иероглиф, сохранивший название, но утративший образный смысл и числовое значение.

В переходный период в буквенном письме еще использовались отдельные иероглифы в качестве **непроизносимых** идеограмм.

К такому уникальному типу письма я, с некоторых пор, склонен относить древнескандинавское руническое, называемое по первым буквам алфавита **futark**.

Мы попытаемся прочесть и понять одну старую, может быть, самую древнюю надпись из сохранившихся. Именно ту, которую приняли за алфавит, потому что она повторяется в нескольких памятниках, найденных в различных местах Скандинавии и относимых к разному времени. Хотя порядок букв отличается от привычного строя «альфа-бет», принятого в буквенных системах, начиная с финикийской, но количество знаков – 24, близкое к числу букв классических алфавитов и, главное, повторяемость на протяжении ряда столетий позволили считать этот буквенный строй алфавитом.

Я прочел буквосочетание как надпись, выражающую определенное содержание.

Попытался понять причинность неологизма «футарк». Почему строй назвали по шести начальным буквам, а, скажем, не по семи? Или не по пяти?

Вот эта надпись-алфавит:

ƒ uthar kgwhni j e p r st b e m lng do

Датировали эту письменность с оглядкой на «более древние» из западных – этрусскую и латинскую.

Считается, что первоначально футарк появился в Дании примерно в III в. и тогда же распространился в Норвегию и Швецию.

Древнейшие надписи – на золотых брактеатах – медальонных круглых подвесках.

Значения букв за три века существования рунологии как будто восстановлены, но считать эту работу выполненной до конца едва ли возможно, если учесть, что тексты ни одного из древнейших рунических памятников до конца не поняты рунологами. И полагаю, не только из-за того, что фонетическое развитие изменило формы германских слов за прошедшее время.

...Латинское письмо вытеснило «языческие» письменности Европы. На континенте сохранились следы только скандинавской руники, на Островах – ирландского огамического письма (по имени мифического героя Ogm, которому приписывается изобретение этого алфавита). Древнейшие памятники относят к V–VI в.в. н. э. Некоторые из них написаны на недешифрованном языке пиктов – древнего населения Шотландии, другие же – на ирландском.

Первоначально это письмо включало 20 знаков. Каждый знак состоял из одной или из нескольких (до пяти) параллельных друг другу черточек, выступавших влево или вправо от центральной оси строки или пересекавших ее. В зависимости от размера черточек и отношения их к центральной оси строки знаки подразделялись на 4 группы по 5 знаков в каждой.

Надписи на камне обычно исполнялись по вертикали, снизу вверх. Применялось также горизонтальное направление строки, обычно справа налево. «*Очень возможно, что знаки огамического письма первоначально были цифровыми, счетными знаками и вели свое происхождение от счета на пальцах рук и ног; этим объясняется подразделение алфавита на четыре группы по пяти знаков в каждой*»¹.

Первое предельное число, которое узнал человек, было двадцать. Первая система счета – пятеричная. Первые арифметические действия: пять и пять = десять, четырежды пять – двадцать.

Первые письменные знаки имели и числовое значение, то есть одновременно были и цифрами. Древнесемитская кабастика и современные цифровые коды-шифры продолжают традиции первоиероглифов

Культуры, сохранявшие пятеричную систему счета, отражали ее и в письменности, и в языках.

Пентатонизм китайской речи тому ярчайшее свидетельство. Каждый гласный имеет пять тонов. Потому, например, внешне двуфонемное слово «та» имеет в зависимости от высоты тона пять значений – 1) мать, 2) лошадь, 3) конопля, 4) нет, 5) ругательство.

¹ В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма». М.: «Наука», 1965, стр. 383.

Чтобы изображать степени звука, изобрели то, что мы называем нотным станом (пять горизонтальных линий).

К фарфору, шелку, компасу, бумаге – удивительным изобретениям китайских мастеров, пятым я бы прибавил нотный лист, помогающий нам записывать высоту тона

Если бы ирландский язык был пентатоническим, я, не колеблясь, предложил бы считать их алфавит нотным.

Но для нашей темы сейчас главное обратить внимание на принцип, в котором выдержан строй этого письма: **четыре группы по пяти знаков.**

А что если и другие древнеевропейские алфавиты следовали такому строю?

Следы, вероятно, этой разрушавшейся со временем системы видны во всех первых буквенных письменностях: в финикийском – 22 буквы, в греческом 22 (архаич.), 23 (класс.), 26 (этрус.), 20 (древн.лат.), 23 (класс.лат.). Наиболее осмысленно символика числа выступает в ирландском огамическом (20) и, смею надеяться, в древнескандинавском (24).

1. Собственно букв в этой надписи, полагаю, было 20. Четыре знака – не читались. Они были идеограммами.

Я выделил их, и текст разделился на четыре равные части по пяти букв в каждой.

..... < > > >

Выступающие графемы находились между собой в какой-то туманной, однако, постижимой связи.

Сначала предположил, что они выражали числа. По крайней мере, первые два – угол (5), два угла (5+5). Если так, то третий знак значил – 15 и четвертый обозначал первое предельное число – количество пальцев на руках и ногах – 20 («Четыре угла» – >)

Кроме того, каждая идеограмма должна была, по правилам первоиероглифики, содержать образное значение. Угол, мы уже знаем, мог обозначать понятие «мужик», «простой человек». Тогда сдвоенный – «женщина».

В древнекитайском иероглифе скрещенные углы противопоставлены:

> – pui – женщина. Знак мужчины (простолюдина) представлял собой «отрицаемый угол»:

> – zen – мужик, простолюдин, человек.

Его синонимичный вариант (угол не зачеркивается, а переворачивается вокруг оси) должен был быть:

< – мужик, простолюдин.

Именно такой мы встречаем в Скандинавии. Так обозначали древние германцы и славяне простолюдина. [Мы убедимся в этом в дальнейшем, анализируя славянское слово «человек», ставшее этнонимом со значением «простолюдин». Князья не называли себя «человек», «чеех > чех», «серб», «крив», «словен», «словак». Правители изображались или гордой вертикальной чертой, или знаком восходящего, юного месяца: slav – князь (Яро-слав, Свято-слав, Мсти-слав, Вяче-слав). А согбенная черта (старый месяц) досталась холопам – «*slav-p», «slav-i», «slav-ak» и далее.

«Человек» только после Горького и Ленина зазвучало гордо. Как лозунг, поднявший холопов на бар. А в далекие времена оно было равносильно понятию – раб. До того, как стать этнонимами, слова этого класса отложились в латинском servus – работник, слуга, греческом sklavos – раб, и германском slaven – раб. Так называла собственных подданных знать в древней Европе. Славянские князья в том числе. Знак, предметно называемый «серп», «червь», «крив», породил переносные значения, использованные и в новейшей политике для воспитания антиславянского мировоззрения. Отставание лингвистики сказывалось на судьбе народов.]

...Палеографы и языковеды Европы чураются китайских материалов. Не верьте, что китайское письмо и культура всегда обретались только на Дальнем Востоке и никаких контактов с географически отдаленными этносами не имели. Знания о взаимодействии народов в прошлом так скудны, что не дают решительных оснований и для утверждения нашей исконной взаимоизолированности.

Тем более, грех такое говорить о Древнем Китае, проявившем задолго до Великой Стены чудеса культурной активности. Академик Окладников подверг геохимическому анализу материал китайских нефритовых колец – идолов солнца. Результаты совпали с данными, полученными при анализе нефрита американских и скандинавских находок, изображавших «солнце с дыркой».

Все эти изделия были изготовлены из минерала, добытого в одном из рудников Забайкалья.

Такое же обширное распространение могли иметь знаки первоиероглифики, да и правила знакотворчества. Миримся же мы сегодня с тем, что арабские и римские цифры разошлись по всему свету, по всем письменностям. Эти идеограммы употребляют даже китайцы, не потерявшие своей цифирной системы.

Я вполне допускаю, что цифры-иероглифы («пятерка – мужик», «десятка – женщина») были в ходу в некоторых доисторических письменностях и продолжили свое существование в древнейшем германском буквенном письме, не устоявшем перед насилием латиницы.

Новейшие религии орудовали своими алфавитами, как топорами, вырубая малейшие следы памяти о «языческих письменах».

Памятники древнетюркского письма уцелели только в Монголии и в диких горах Алтая, куда не допустили Ислам. Во всех других местах расселения тюрков не осталось ни одной буковки из богатейшего, надо полагать, наследия этой многотысячелетней письменности. И только через одиннадцать веков после мусульманизации тюрки узнали, что до арабской графики их предки пользовались другим письмом. Узнали, благодаря датскому палеографу В. Томсену, пытавшемуся найти связь «сибирских рун» с древнескандинавскими. Язык, который встал из расшифрованных текстов, оказался тюркским.

...Если мы на правильном пути, то слова в надписи, предшествующие идеограммам, должны были выражать соответствующие смыслы: futhar – мужик, человек; gwhni – женщина.

И количество букв, дополняя цифру, обозначали числовые значения каждого понятия: первое слово – пять, второе – десять (совокупно с предшествующим).

Я анализировал эти слова, уже уверенно предполагая их семантику.

Если бы вторым было слово, подобное немецкому – мать, не составляло бы труда увидеть в первом ошибочное прочтение германского *futer – отец. Но вторая лексема явно шла на сближение с древнегерманским аффиксальным kunī – род, и его умлаутным аналогом «куп» – род (дат., исл., англ.). Слово с таким значением могло быть противопоставлено понятию «человек», «мужик», но, скорее всего, прямой противоположностью последнему было – «женщина».

В исландском языке, который поставляет германистам древнейшие формы, сохранилась основа *kven, она употребляется с реликтовым окончанием ж.р. Kvensa – женщина (*kven-ha). (В сложных образованиях основа, естественно, выступает без показателя рода: kven-kup – «женский род», kven-folk – «женская организация» и т.п.)

Без родового окончания слово уцелело в исторически-торжественном значении: queen – королева (англ.). Фонетическая транскрипция – kwiin.

Может быть, в доступных германистам диалектах шведских, норвежских, датских, немецких или в старых памятниках сохранились материалы со следами пережиточного показателя ж.р. *-i. (Как в греческом чередуются окончания -a, -i такого значения.) Тогда мы имели бы полное основание отождествить исландскую форму *kven-ha – женщина, с древнескандинавским словом gwhn-i.

В этом случае возможна постановка вопроса – а правильно ли интерпретировали значение буквы **Н**?

Рунологи производят ее от латинской **H**. И грамматисты в средние века вправе были пойти по этому пути, придав в поздних рунах такой смысл букве, внешне похожей на латинскую. Но они могли не знать другого материала для сравнения. Например, кириллическую **И Н** – и (удвоенную i – краткую, изображавшуюся в славянском алфавите вертикальной чертой без точки).

В восточногреческих диалектах рано произошел фонетический сдвиг, сужение мягкого гласного e/i. В классическом (древнегреческом) буквы назывались beta, dzeta, feta... В восточногреческом (далее – византийском) – vita, zita, fita... **Н** – eeta > iita.

И ныне в греческом эта буква обозначает долгий узкий – ii.

Думаю, ничего страшного не произойдет, если мы сопоставим рунический знак с кириллической и греческой буквами для долгого гласного. (Краткий звук выражается и в рунах чертой без точки, как в слав. и греч.) С латинским значением руну читают уже три века. Один раз попытаемся нарушить традицию, испытать греко-славянскую норму.

Великих потерь от этой попытки не предвидится, а приобрести можем многое. Прежде всего – слово *gwiini – женщина.

(Подтвердить правильность нашего предположения можно, если пересмотреть все случаи применения этого знака в древнейших памятниках руники, и я уверен, что результаты прибавят аргументов в пользу гипотезы.)

2. Древний исландский язык отличается от остальных германских и отношением к слову *muter – мать. От него образовывался способом «частичный умлаут» термин непрямо противоположного значения *muthar – мужчина.

(В современном исландском modhir – мать, madhur – мужик, мужчина, человек. В древнеисландском – modhur, mudhfar.)

Естественное чередование m/b, имевшее место в языках эпохи Начала (до «Договора»), позволяет предположить возможность диалектного аналога со взрывным губным: *buthar > puthar > futhar

Слово futhar какого-то древнескандинавского диалекта не могло быть известно во всех других германских наречиях, иначе бы рунологи давно его узнали. И тысячу лет назад, и более не каждый германец понял бы его. Это обстоятельство, как мы увидим дальше, сыграло свою роль в истории.

...Подведем начальный итог.

futhar	<	gwiini	>
мужчина 5		женщина 10	...

Цифры-идеогаммы поясняли и образное, и числовое содержания слов, т.е. степень социальной значимости понятий. Цифры узнавались читающими и не путались с буквами. (Сегодняшний читатель даже в сплошном тексте, не разбитом на отдельные лексеммы, опознал бы арабские цифры.)

[Мужчина не только основной работник, но и воин, поэтому – наиболее затратная единица в обществе. Осознавая это, древние сформулировали, пожалуй, один из первых социальных порядков, не противоречащих объективному закону Эволюции. Человек мыслящий заметил – природа бережет самок, ей высиживать птенцов, вынашивать и вскармливать потомство. Самка неприметна. Самец выделяется окрасом или другими признаками, чтобы в первую очередь привлекать внимание хищников. Пока с ярким петухом расправляются, серенькая наседка убежит и спасет выводок. Самец, защищая себя, выработал качества бойца, и в этом исполнялось повеление Эволюции: чем дольше он способен противостоять врагу, тем больше времени у самок увести потомство.]

Если бы человечество не поняло и не выполняло это одно из главных положений закона сохранения вида, оно бы давно сошло со сцены, как множество других видов, во главе которых оказались «неразумные».]

В нашей надписи проглядывали черты интересного, необычного для литературы жанра. Кажется, описывались ступени шкалы социальных ценностей. Общественное значение мужчины для племени было ниже, чем женщины. Об этом говорили цифры.

3. Помочь подтвердить или отринуть эту версию могло следующее слово: **eprst** – 15. Если оно правильно

прочитано и родственно немецкому *oberst* – «главный», «старейший», «старшина», то речь могла идти о родоначальнике, вожде племени. И тогда слово это само вносит коррекции в результаты работы дешифровальщиков алфавита: буква «е» (так определили значение) могла выражать искусственный мягкий звук – ö, [фонетическое соответствие е = ö (io), ü (iu)].

То есть, букву можно попробовать читать в текстах и как «е», и как искусственный мягкий – «о». [В тюркском руническом подобная буква повернута, ибо тюрки писали справа налево: – а (e). Она участвует и в «твердых» и в «мягких» словах]

Следующая – получила от рунологов значение «р», скорее всего, потому, что недалеко была очевидная – «b» Но если, как мы договорились, этот знак выполнял функцию цифры – идеограммы «лидер» («вождь», «старейшина») и не произносился как буква, то место «b» освобождается.

[О том, что формальное сходство письменных знаков вовсе не означает тождество их названий, свидетельствует гр. – beta, древнетюркская – uk – «старейшина, Мать» и шумерский иероглиф – l'u – человек. Предположив, что скандинавский знак есть идеограмма, выражающая не звук, а понятия, следует попытаться рассмотреть его в подобающем его статусу понятийном и знаковом контексте.]

Если первый звук е(ö) был мягким, то, полагаю, древнегерманский сингармонизм все слово делал мягким. И тогда понятно присутствие в этом слове второго «г».

Мягкие в древнетюркском и кириллице создавались в основном чертой, направленной вниз.

Чем отличается латинская R от греческой P? Чертой мягкости. Римляне выбрали из пары «P/R» одну, ибо в их языке звуки не подразделялись по качеству. Но в древнегерманском такая оппозиция, видимо, существовала. Наследие этой особенности чувствуется в некоторых современных германских. Скандинавы не пошли путем тюркских коллег, добившихся почти тотальной четности алфавита. Достаточным оказалось только несколько пар. Использовали римскую букву для твердого вибранта (R), а мягкая походит на тюркские мягкие плавные: $\Upsilon - l' \Upsilon - g'$. По сути это диалектные варианты одного исходного знака Ψ – обозначавшего «корову» («барана») и «солнце» в древнем Средиземноморье *er (ei). Полагаю, что буква Υ выражала палатальный плавный er'.

4 Продолжим: **мужчина – 5, женщина – 10, старейшина – 15**. Значения развиваются по нарастающей. Кто же может быть выше, ценнее вождя? Бог? Но слишком короткое слово: got. Пятеркой не выразить. Однако посмотрим, на что намекают пять последних букв: **emlngd**

Последний шестой знак и в тюркской письменности был принят. Это буква-идеоглиф, обозначающая понятие «дом». Варианты в орхонских и енисейских надписях: . Его числовое значение самое высшее –

20. И образный смысл должен был соответствовать этой предельной оценке.

Звукосочетание вызывает только одну ассоциацию: **geimland** – родина (нем.). Буквально «дом-земля» – «домашняя земля».

И если так было, то корректируется значение первой буквы группы: **M** – «е». Она схожа с древнетюркской **M** – «h», которая восходит к арамейской **H** – het и латинской **H** – h

...У тюркского письма и скандинавского общая графическая формула: вертикальный штрих и диагональный. Обе письменности не приемлют горизонталь, превращая ее или в ломаную, или в косую. Поэтому тюркская – äb (eb, ev) соответствует греко-латинской **A**, реже **A**.

(Южноевропейские письменности отдавали предпочтение горизонтальному штриху перед ломаной линией.)

В классическом греческом алфавите **H** – eeta > iita (*heta), финикийское название – het (*hei).

Вспомним, что в готских (древнегерманских) текстах **каждому долготу гласному соответствовал дифтонг с «i»**: $\bar{a} = ai, \bar{e} = ei$ ². Возможно, рассматриваемый знак был лигатурой, выражавшей не отдельный звук, но комплекс – «hei». Тогда группу можно прочесть «**hei-m-l-ng-d**».

Общий смысл надписи мы, похоже, восстановили. Выстраивается порядок: **мужчина – 5 (<), женщина – 10 (>), старейшина – 15 (≧), родина – 20 (⚡)**.

Высшая духовная ценность – родная страна. Она выше государя и граждан. Самая краткая и выразительная конституция из всех известных. Основной закон какого-то древнегерманского социума. Главный принцип, воспитывавший уважение к государю и преклонение перед родиной. Далеко не случайно именно в германской поэзии XIX века вспыхнула формула: «Дойчланд, убер аллес» – «Германия – превыше всего!»

Она, вероятно, веками жила в духовной культуре народа, уходя корнями в скандинавскую древность. **Важность этого текста объясняет его тиражирование без изменения, что и позволило рунологам принять эти надписи за алфавит.** Идеологический алфавит, государственно-духовный канон, который должны были знать все, вырезался на золотых медальонах-гербах и других значимых предметах.

И как давно начала проявляться сия традиция?

5. В диалекте, где не было слова «futhar» – муж, а губной гласный произносился нозализованно, начальные буквы «народные этимологи» прочли – **F-un-tar**... Значения двух первых букв складывались в слово «**fun**» («**fon**»)

² Такой же рефлекс замечен в хурритских текстах (II тыс. до н.э.). Он продолжает действовать в некоторых тюркских. В казахском – отчетливо. Казахи не приемлют долгих aa, ee... Если они возникают в грамматической эволюции, то автоматически превращаются в ai, ei.

– господин (*князь). Смысл «*gwiini*» так же не был ясен: женщину в этом диалекте называли иначе. И непонятные звукосочетания воспринимаются как титул и личное имя исторического персонажа, кому принадлежал золотой герб с надписью.

(Такой подход к интерпретируемым древним надписям продуктивен и сегодня: все тексты, писанные древнескандинавскими рунами, на 80–90% состоят из «личных имен». Все непонятные звукосочетания принимают за личные имена, потому что они не требуют перевода, но антропоним – это, прежде всего, – слово, наделенное при рождении лексическим смыслом. Непонятные имена приходили из других языков, где они имели вполне ясные значения. «Древнегерманским антропонимам», обнаруженным в надписях, зачастую нет соответствий ни в одном словаре планеты.)

Как нет аналогий имени легендарного этрусского князя – *Tarkviini*. Оно, считаю, было построено из букв канонической надписи на золотом брактеате: F-un-t-a-r (<) k-w-ii-n-i (<) o-b-e-r-s-t (>) hei-m-L-an-d (>).

«Фон Тарквини – старейшина (государь) – родины» («родной страны») – так, думаю, поняли смысл надписи, традиционной уже в VII в. до н.э., жрецы германского племени, входившего в состав Двенадцати племен Этрурии. Имя **Тарквини** стало почетным, династийным, его присвоили нескольким этрусским правителям доримского периода и городу в Этрурии к северо-западу от Рима. В «Латинско-русском словаре»: **Tarquinius** – Тарквиний, имя пятого и седьмого царей Рима».

Этот факт (если он подтвердится дальнейшими исследованиями не только рунологов) помогает объяснить, почему за два с лишним века непрерывного изучения многочисленных этрусских надписей ни одна не была понята, хотя прочтены все (значения букв, в основном, установлены).

Опись креста

...Я прочел так эту надпись лет тридцать назад. И потратил все последующее время на выяснение значений знаков, в которых мне увиделись идеограммы. Их называли по-разному в различных языках, но понимали одинаково. Китайские иероглифы позволяли вьетнамцам, лаосцам, японцам и корейцам общаться друг с другом, не зная устного языка собеседника. Такую же роль выполняли шумерские идеограммы в Древней Передней Азии.

Скандинавская надпись говорит о роли, которую играли идеограммы в первые поры становления буквенного письма. Она подсказывает один из возможных ответов на вопрос: чем мотивирован определенный порядок букв в алфавите?

Причина строя греческого понятна – «как в финикийском». Но в чем причинность финикийского строя? Беспричинно ли грамматисты разместили буквы *alef* – *bet* – *gimel* и т.д.?

Пока приходится констатировать произвольность этой последовательности. Но шаг за шагом подойдем к пониманию, что **алфавиты с закрепленным порядком букв произошли от каких-то надписей канонического содержания**.

Явно текстовый порядок угадывается в финикийско-греко-этрусско-латинском алфавитах. Техническое построение алфавитов предшествовало текстовым.

Наша версия о двух категориях азбук древности, возникших в начале первого тысячелетия до н.э., вытекает из анализа буквенных письменностей Евразии. Поиски текстовых алфавитов могут привести к результатам самым невероятным с точки зрения «историко-культурных соображений». (При этом сразу оговорюсь, что тюркский алфавит я отношу к разряду технических.)

Скандинавский «футар» («фунТар») – один из текстовых алфавитов, построенный на базе древнегерманского технического. Тот, вероятно, использовался только в учебных целях и потому не попадал в брактеаты. Этим же можно объяснить «непопулярность» тюркского, авестийского и других алфавитов, не обнаруженных в памятниках. Доходили только живые тексты.

К текстовым алфавитам я теперь отношу и этрусский **«Алфавит марселианы»**, названный так по имени местности обнаружения. Он вырезан по канту квадратной дощечки из слоновой кости. Алфавитом эта надпись была признана из-за порядка и похожести букв на греческие и финикийские.

Надпись эту надо читать, учитывая опыт, полученный при дешифровке скандинавской. Прежде всего, попытавшись выделить буквы-иероглифы, лигатуры и идеограммы.

Ищут «этрусский язык», потому что все памятники писаны одним алфавитом. Но и до этрусков, и после них понятия «письменность» и «язык» не всегда были тождественны. Мы можем назвать только два-три примера такого уравнения (армянское письмо выражает только армянский язык, грузинское – только грузинский). В подавляющем большинстве случаев письмо выходит за пределы государственной и культурно-активного этноса. Данте, Шекспир, Гете, Гюго писали свои произведения латинской графикой, но если будущие исследователи (через 3 тысячелетия) попытаются найти в их книгах общий (латинский) язык, они совершат ту же ошибку, которой, увы, питается этрускология.

Настала пора поверить римским писателям, говорившим о Двенадцати племенах Этрурии, и начать поиски разновидностей этрусского письма и «этрусских языков», может быть их было и не двенадцать, но то, что не один – в этом я убежден. Среди них, полагаю, была этруская разновидность германского письма, отражавшая и язык племени, жрецы которого прочли и поняли слова «*fun* (fon)», «*oberst*», «*geimland*», хотя и не приняли диалектных или устаревших «*futhar*» – «мужчина», «*kwiini*» – «женщина». И смысла их идеограмм.

Прочтение «*Tarkviini*» подтверждает правильность существующей в рунологии интерпретации значений букв, составляющих это слово, кроме X-g (*k), H-h (*ii).

Один этот факт – свидетельство великой древности древнегерманской рунической письменности, ровесницы этрусского алфавита VIII в. до н.э.

От Тигра и Тибра до Камы

(Великие «малые» языки)

Малый туз

Я привез с собой в Италию не все «Этимологические словари», которые накопились в моей домашней библиотеке. Перед тем, как сдать рукопись в издательство, искал на полках какой-то справочник и наткнулся на «Краткий этимологический словарь коми языка» Лыткина и Гуляева. Полистал. И в результате пришлось на ходу внести несколько дополнений в текст, работая над коими и эту статью написал. В жанре отклика или рецензии. Книжку эту я поставил в один ряд с толстенными томами этимологических словарей русского, французского, тюркского, итальянского и других языков. Ее скромный синюшный корешок не глядится в шеренге могучих лоснящихся «затылков» словарей-великанов. Но по богатству исторического содержания это кроткое скомканное собрание слов народа, отнесенного к числу «малых», «неисторических», даст, как мы говорили в мальчишестве, сто очков вперед любому «великому». Читая словарь, я словно присутствовал на отчетном собрании, где школа классического языкознания под давлением фактов уступала одну позицию за другой.

...100. Праформа *kmtom – принята и утверждена давно. Что заставило словотворца изобретать столь вычурное созвучие вместо простого – «сто»? Все равно ведь – произвольно выдуманное. Так уж делал бы попроще! Гамкрелидзе и Иванов вносят важное уточнение в общепринятую праформу. По их мнению, создатель произносил его *k^[h]mt^[h]om¹.

...На этом этапе вступают в дело И.К.С. Они определяют, кто из «индоевропейцев» раньше освоил числительное, кто у кого заимствовал. **За пределы семейства числительные не выходят.**

Постепенно, по мере возрастания объема знаний о неиндоевропейских языках, этот «незыблемый» постулат расшатывается фактами. Оказывается, такое же название «сотни» проникло в угро-финские языки: **soť**, **sať** (хант.), **set** (манси), **sata** (фин.), **сядо** (эрзя), **сяда** (мокш.), **щюдо** (мар.), **čuoťte** (саам., норв.), **sō** (коми).

И примеры из языков других семейств заставляют признать это чудо. Постулат редактируется: **высшие числительные могут переходить из семейства в другие. Но простые – ни в коем случае!** Иначе подтачивается основа основ – «теория основного фонда». Праязыки создавались изолированно друг от друга (рождение – процесс интимный) и потому «маму-папу», «ухо-горлонос» и «раз-два-три» каждый праязык создавал сам. Ни у кого не заимствовал.

В нашем веке на базе индоевропейстики развились

семитология, тюркология, угро-финника и др. Выяснилось, что и простые числительные в языках различных семейств имеют обыкновение совпадать и формами, и значениями. Такая системность не оставляет надежд для объяснения подобных тождеств «случайным совпадением». И здесь на неокрепшую догму новой редакции постулата давят угро-финские примеры: **šišim** – семь (мари). В диалектах – **šešem**. Праформа напрашивается ***sethem**. Поддерживают «сисем» (морд.), «сизим» (коми), «сизьым» (удм.). Открывает слог сокращением конечного согласного саамско-норв.: **ciečca** Финская форма переразвита: они открыли слог не сокращением согласного, а добавлением протетического гласного: ***seithem** > **seitsem** > **seitsemä**... И в диалекте с противоположной структурой слога появляется протетический носовой – **seitsemän** – семь (фин.).

Заемствовано, думается, в эпоху близких культурных контактов с романскими племенами, даже точнее – притальянским: чувствуется влияние «итальянского рефлекса»: **septem** – 7 (лат.) > ***settem** (праит.) > **sette** (ит.).

В одних угро-финских языках долгий упростился – ***set'em**, ***sethem**, ***sesem**. В других продолжился.

(Незнание «итальянского рефлекса» и классификационного признака – **структуры слога с механизмами перестройки**, не позволяли этимологам выйти на эти результаты. Они ограничиваются только ощущением похожести форм и значений с индоевропейскими, не определяя конкретного источника. «Возможно заимствовано из какого-то языка, славяно-балтского типа», – заканчивают свое рассмотрение угро-финских примеров В.И.Лыткин и Е. И. Гуляев². («Славяно-балты» недалеко от Прикамья, этим объясняется адрес предполагаемого источника.)

Сами индоевропейцы заимствовали это простое числительное у древних семитов, в пору своего пребывания в Передней Азии. На нем стоит удостоверяющая печать – семитский формант числительных женского рода **t-**, в союзе с именным **um**: в самом древнем из семитских языков – аккадском **sebum** – 7 (м.р.), **sebettum** – 7 (ж.р.). Позже семитское числительное избавилось от именного суффикса. В староассирийском **sabum** – 7 (м.р.) он еще сохраняется, во всех последующих не остается: **seba**, **šib'a** – 7 (др.евр.), **šba'**, **šib'ā** – (арам.), **sab'**, **sab-at** (араб.).

Романские формы сохраняют близость к древнесемитской, что помогает датировать эпоху заимствования (III тысячелетие до н.э.).

Приходится признать **факт перехода простых числительных из «семейства» в другие.**

«**Заимствование числительных (в особенности выше «пяти») является весьма распространенным явлением во многих языках и может объясняться особенно тесными контактами и культурными воздействиями**», – подытоживается статья о заимствовании индоевропейцами своей праформы ***sep^[h]t^[h]m** из семит-

ских³ Но при этом не приводится в качестве источника древнесемитская форма. А перечисляются примеры только из «молодых» семитских, которые я назвал выше. Из них латинская **septum* никак не могла бы появиться (Но признать источником аккадский, это значит определить время контактов индоевропейцев с семитами за пределами, разрешенными теорией. Арамейский, древнееврейский, арабский – это середина I тысячелетия до н.э. Допустимо. От «Аккада до Рима слово бы не дошло».

Итак, разрешено считать возможным заимствовать простые числительные «выше пяти», но не объяснено – почему?

Однако под тяжестью фактов планку предела придется опустить «до нуля» И признать, что числительные надо исключить из сейфа «основного фонда». Объяснение этому изъятию поддается формальной логике: **числительные от одного до тысячи** (если не до миллиарда) **проще отнести к «базарному лексикону», категории лексики, наиболее проницаемой для влияний и открытой для заимствований.**

Торгующие народы прежде всего узнают числительные из чужого языка. Часто вместе с цифрой.

○ – «о» – «много».

⊙ – «o-di» (o-ti) – «очень много». Ср *öte* (каз) = **очень** (**oten*) в слав

II

Археологи «малых» языков хорошо усвоили правила пользования «историко-культурно-географическими соображениями», полученными от учителей-индоевропейцев. Комплексом этнической неполноценности веет со страниц самых толковых этимологических словарей (к которым я отношу и «Краткий этимологический словарь коми языка» Лыткина и Гуляева).

Если обнаруживается сходство угро-финского слова с индоиранским, то первое объявляется заимствованием «оттуда». Я на этот предмет исследовал весь словарь. Тождеств много. Но ни в одном случае не увидел итогового «у.-ф. > и.-е.». Всегда только «и.-е. > у.-ф.». Хотя уже это полагается считать достижением угро-финники: все же выявляется пусть односторонняя, пассивная связь с «авторитетными» древними культурами. Начиная от названий животных до – человека. Ограниченность возможности метода «фонетических соответствий» – объективная причина, мешающая выявить первоформу и первичность семантики слова, а посему, констатация тождества на этих порах важнее точного определения направления заимствования. Действительно, *pores* – свинья (манс.), *püräs* (хант.), *pors* (ненец.), *porsas* (фин.), *парсь* (удм.), *порсь* (коми), *purts* (мокш).

По-видимому, общего происхождения с уже рассмотренным ранее *porcus* (лат.), заимствованным из *porcos* (греч.), ибо у латинян было свое *sūs* – «свинья». От имени иранских языков может выступить *purs* – «свинья» (курд). От германских, наряду с *pāsa* (**pārsa*) и *pork* (англ.).

Авторы словаря не хотят отвлекаться от намеченной связи с индоиранским ареалом. Они производят, опираясь на курдское слово: «и.-и. > у.-ф.». Хотя можно было бы далеко не ходить. Славяне называли кабана **porc*, *porh*, *borth* – восточнославянское полногласие довершало картину – **пороз** – «кабан» (**пороз* > *поросенок*) и **боров** (**borth* > *borf* > *borw*).

...Первичная форма, как мы предполагали, была **por-ʼa* > *por-ka* > *por-sa*

В среде, где конечный гласный ассоциировался с окончанием ж.р., произошло переразложение: **porh*, **pors* – «кабан» («свин»). В некоторых появляются окончания м.р: *porcos*, *porcas*, *porsas*

Это случилось не в угро-финских: грамматического рода они не знают. Поэтому оправдано мнение о заимствовании из одного или, точнее, нескольких индоевропейских: ср. финское слово, сохранившее показатель м.р. похожий на балтский. В других примерах он отсутствует. Самостоятельно избавиться от него не могли, т.к. не осознавали его значения.

Источником слова послужило, вероятно, название того же знака солнца: ⊙ *por-ha* (*por-ʼa*). Иероглиф напоминал схематическое изображение «пятока» свиньи, что и определило ее судьбу. Она была введена в состав животных, избранных солнцем. Этническое авторство едва ли принадлежит славянам: они увидели в иероглифе знак солнечных часов, времени (*pora* – «время»), и не германцам (*pora* – «точка в коже, пора» – нем.), и не романцам (**pora* > *wora* > *ora* – «час» – ит., исп., фр.; *hora* – 1) «время», 2) «час» – лат.), и не грекам (**hog-a* = **hog-n* > **hron* – 1) «время», 2) «Бог времени»)

...Больше определенности в названиях другого священного животного: *mež* – «баран» (коми, мари). Его культ постарше. Одно из нескольких первых слов общечеловеческой речи эпохи Начала сохранилось в двух-трех угро-финских. [В первом переносном – «солнце» – встречается в иберийских. Куда попало письменным путем в консонантной записи **m-z*, и огласовка случилась произвольная. *mze* – «солнце» (груз.), *amza* – тж (абх.), *bža* (менг.), *mez* (сван)]

Знак барана-солнца (точка в «месяце» не всегда сохранялась) под этим названием побывал в романской и в славянской среде, где был понят как «месяц». (Если это не отрицание названия солнца.)

Но угро-финны не расстались с точкой, удваивающей числовое значение основного элемента: «5 и 5» – **meš*, **miš* – 10. Это объясняет происхождение ныне непонятного звукосокращения, системно встречающегося в составе десятка *комыс* – 30 (удм.), *нелямыс* – 40 (удм.), *витомыс* – 50 (удм.) (зафиксированные в словаре П.Савваитова, 1850 г) Столь же таинственны эти созвучия в тюркских десятках. *altmys* – 60 (*alty* – 6), *jetmiš*

– 70 (jeti – 7) – огузо-карлукские языки, В казахском: **alpys** – 60. **žetpis** – 70

Утрата точки повлияла на числовое значение знака: сохранив название, он превратился в «месяц-пять». Какой-то культурный язык, получив этот иероглиф из наречия б-Диалекта, распространил в индоевропейском союзе мягкие формы названия следа-ноги-пять-пяти: ***penč** > **penth'** > ***peč**, ***peš**, ***peth**: **Peš** – «нога» (лат.), **pie(d)e** – «нога» (ит.), **penč** – 5 (пол.), **pets**, **pet'** > **piat'** – 5 (вост.слав.), **pet** (южнослав.), **peš**, **beš**, **bes**, **bis** – 5 (тюрк.), **büt** – 5 (коми), **bete** (морд.), **viite** (фин.), **vetta** (шв.-саам.), **et** (манс.), **uet** (ханс.), **öt** (венг.). Праформа: ***beth** > **bith**.

В греческом знак называется с открытием конечного слога: **penta** – 5 > ***penta**, ***petā**, **piata** – «пята» (слав.). В индоиранский мир попадает ***penče**, но уже в санскрите мы встречаем **paṅsa** – 5 и **paṅ** – «нога». (В современных иранских диалектах уцелела мягкая форма: «Пендж-аб» – «Пять рек»)]

...В среднеперсидском: **meš** – «баран». В авестийском гласный уже колеблется: **maeša** – «баран».

В этом случае я бы не спешил отдавать приоритет иранским формам («у.-ф. < *иран*», Лыткин, Гуляев). Более того, мы вправе выдвинуть на обсуждение в качестве гипотезы версию об этническом авторстве первого названия «маленького быка». И слову этому – десятки тысячелетий. Как и названиям солнца, ноги, пяты, десятки и пятерки... Они-то, наверняка, входили в основной словарный фонд языка Малого Человечества эпохи Начала.

Угро-финские языки – кладезь древнейших лексем – живых праформ индоевропейских, тюркских, германских и других языков, потому что все эти слова вынесены из общечеловеческого языка эпохи Начала. Нигде более не встретишь такого богатства! Первоиероглифы отпечатаны в значениях, а их названия – в форме слов, как брахиоподы в миллионлетних песчаниках.

Но щучьему велению

Самое удивительное, что И.К.С. влияют и на «внутрипермские» отношения. Если совпадают форма и значение слов, которые кажутся не угро-финского происхождения, то источником, из которого расходилось слово, определяют язык «более цивилизованного» народа Прикамья. Все во вторую очередь достается хантам и манси.

Например, рассматривается слово **sir** – «щука» (коми). Откуда пришло, неизвестно. В других угро-финских такая форма не встречается. Нечто отдаленно похожее есть у ханты-мансийцев: **sort**, **sart** – щука (хант. и манс.). Лыткин и Гуляев ничем не обосновывают предполагаемое ими направление заимствования: «*ком* > *х-м.*». Вероятно, только «историко-культурными сообщениями». Между этими словами вернее поставить знак равенства: дублетные образования, результаты морфологического соответствия – «умлаут/аффикс». Какой-то сложный знак хищной рыбы с основным элементом ***hur** > ***sug** при изменении положения (или добавлении диакритического значка) в одних культурах назвался ***hur-t** > **surt**, в других ***her** > **kir** > **ser**, **sir**.

(Не ведая о действии такой закономерности, невозможно реконструировать «общепермскую праформу», оперируя только знанием метода «механических искажений звуков». Нельзя принять всерьез вывод авторов словаря: «*Общ-пер. *sir*». Столь же неприемлемы множество подобных «праформ» из этимологических словарей индоевроп., тюрк. и др. языков. Это морфологическое соответствие проявило себя по меньшей мере в евразийском масштабе.)

Без помощи тюркских материалов при восстановлении графического знака не обойтись: **kurt** – 1) «волк», 2) «червяк» (тур.).

Какой знак мог породить два таких смысла?

В казахском сохраняется только второе значение: **kurt** – «червяк, червь». Но в сложном **kaskyr** – «волк», думаю, скрылся умлаутный вариант (***kas** – **kir** > ***kas** – **kyr**). Первая часть восходит к ***as** – высший, главный. С губным протезом – **was** > **bas** – голова, глава, главный (общетюрк.).

Более распространенное имя волка в тюркских – **bürī** (**bōri**) > ***būrik** (***bōrik**); ***pārik**, ***pārūk**. Шкуру волка – признак волчьего племени носили на голове гунны. С тех пор любая меховая шапка называется у тюрков **būrik** (***borik**). В Европе головной убор из искусственных волос – парик, перук.

Казахи позже стали подразделять волков на обычных (**bori**) и «главных» (**kaskyr**). Эти определения тотемов были и титульными именами, становившимися этнонимами. Ас-парух (***as-pārūk**)¹ соответствует титульному имени ***Баш-курт** – «Главный Волк».

В летописях XII века фигурирует некий хан Башкурт, женившийся на молодой вдове русского князя. Может быть, это уже собирательное имя. (К такому способу летописцы прибегали часто. В «Слове о полку Игореве» и в Ипатьевской летописи союзником Кончака называют хана «Къзак», «Гъзак – К(а)зак».)

Закономерно сосуществуют в тюркских средах два варианта имени тюркского народа, обитающего в Поволжье: «**baškur**» и «**baškir**». Причем, и сами башкиры называют себя – башкурт. (Ныне страна – Башкурт-стан.)

Так собираются в одно гнездо семантически тождественные имена – Аспарух, Башкурт, Башкир, Каскыр...

На юге Казахстана есть священная гора Кас-курт. Именно там, говорят казахские долгожители, приземлился ковчег Ноя. Возможно, на этой возвышенности в домусульманские времена совершались ритуальные действия в честь Высшего Волка.

Но это – для размышления этнологов, лингвистам же важнее восстановить уравнение ***kur-t** = **kir** (**baš** – **kurt** = **baš** – **kir**; **kas** – **kurt** = **kas** – **kir**). В этот ряд достойно включаются угро-финские названия щуки: **surt**, **sort** = **sir**.

Ханты-мансийская форма сокращается с тюркскими наименованиями «речного волка»: ***kurt-añ** > ***šurtan** = щука (тат.), **šortan** = т.ж. (каз).

¹ Хан Аспарух – первый царь балканских болгар.

Детерминатив **an** (ан) – «зверь» сопровождает почти все тюркские названия представителей животного мира – хищников, птиц, рыб, травоядных. Мы уже приводили казахские примеры в предыдущих главах: кабан, баран, коян (заяц), тышкан (мышь), коблан (пантера), булан (лось), кулан (дикий осел), кыран (орел, беркут), ждан («змея». Ср. с нем. шланг – «змея»), сазан («болотный зверь»). И не чужой в этой среде чувствует себя – шортан (щука). Употребляется в качестве антропонима – Сыртан, Сыртанов, Суртанов.

Палеограф в состоянии поискать корни в иероглифических письменностях.

Мы выяснили, как шумеры изображали и называли гору – **kur**. («Допермское *kug – гора, возвышенность». Лыткин, Гуляев.) В подтверждение приводят это слово, сохранившееся с уменьшительным суффиксом: kuguk – маленькая возвышенность (эст.), kuguk – горка (мар), кур – гора, крутой склон, высокий берег (коми). Согласуется с тюркским кур – 1) отвесная стена, гора (алт.), 2) горная, возвышенная местность (каз.). В этнониме kurguz – «киргиз» (*kug-oguz – «горное племя»).

В индоевропейских возможно сближение лишь с **kur** – камень (алб.) и **kuh** – гора (иран.). Наверное, от позднешумерского **ku** – гора. Удвоенную гору шумеры называли **kir** – «земля». Тюрки толковали этот знак двояко – 1) земля, 2) вода. В результате контаминации **kir** – грязь («земля + вода»). В большинстве тюркских.

Но было еще одно объяснение этого знака. Оно пришло в тюркские языки из диалекта, который использовал вместо умлаута аффиксальный способ: *kur-t > kurt – «червь» (общетюрк.).

Грамматисту из родственного племени увиделись зубы хищника – **kurt** – волк (огуз.). Так, в турецком собрались два значения одного слова: kurt – 1) червь, 2) волк.

И, наконец, уточняющая контаминация: kur-t = kir («вода» + «волк», «хищник» > «водяной волк», т.е. щука).

Она произошла в наречии, которое компаративисты называют «сатем» (превращающем глухой гортанный в глухой свистящий): *sur-t = sir.

Не видя графемы, праформу слова создать невозможно. И никакие известные «фонетические соответствия» не помогут. К тому же не все они восстановлены, в чем еще раз убеждает пермское уравнение **sir = sort** – «щука».

Ханты и манси применяли аффикс отрицания-удвоения -t. Коми и удмурты – умлаут. Закономерность соответствия выявляется в целом ряде примеров. Например, **sat**, **sot** – «сто» (хант., манс.), **sö** – «сто» (коми), **sü** (удм.). Реконструкция этого морфологического тождества в пермских языках поможет установить подобное и в индоевропейских. В частности, укрепит победный знак вопроса над руинами бессмысленного *k^hmt^hom – «сто» и докажет, что у этого всемирного числительного не могло быть одной праформы. По крайней мере должно было быть две.

Сегодня можно говорить о праформе слов, происходящих от названия простого знака:

○ ○ – *buŋ > uŋ > un > ul > ur (or, ar) > hur (hor, har).

Круг был детерминативом, выражающим понятия «гора-город-общество, племя, народ-страна» в эпоху лунопоклонничества. Несомненно оправдано сближение слов **ur** – город, общество (шум.), **ur** – город (др. инд.), **burg** – крепость (герм.), **ar** – племя (чув.), **kar** – город (коми) и т.п.

Но слова, происходящие от названий сложного иероглифа, не могут иметь одной единственной праформы. Потому что в действие вступали морфологические схемы: 1) аффиксальные, 2) внутрифлективные, 3) умлаут, 4) палиндром...

⊙ ⊙ – 1) *buŋ-ha / ha-buŋ; 2) b-ha-un / bu-ha-n;
3) ben / bin; 4) ŋub...

Еще одно правило. Для реконструкции праформ материала одной языковой семьи недостаточно: большинство лексем создано в эпоху Начала, во времена общечеловеческого образного письма. Они отличаются значениями, но формы образованы по четырем общим правилам. Например: ⊙ **kör** – видь; **kara** – 1) смотри, 2) черное (каз.). Использованы умлаутный и аффиксальный механизмы: общие названия перенесены на главную деталь – точку, «зрачок» (о чем говорит и второе значение – «черное»). Но зрачок пытались (и успешно) определить самостоятельным словом: *kara-ŋ > karanh > karah. Производные: karangu – темный; karak – зрачок (каз.). Первичная форма проглядывает в турецком сложном **karahdaş** – графит (букв. «черный камень»).

С другим суффиксом отрицания: *kar-i выступает в восточнославянских: «карий» – черный, темный (укр.), «карий» – черный (др. рус.). Тюркологи-слависты (Корш) производили непосредственно из тюркского **ka** – «черный». Но фонетическая трудность непреодолима. Правильней говорить о дублетном образовании. Видим, что сразу три праформы порождает знак: *kür (kör); *kar-ha / kar-a; *kar-...

Если зрачок был эталоном цвета, то по признаку черноты могли назвать птицу: **karha** – ворона (тюрк.), **galka** – ворона (юж. слав.), **kor-vo** – ворона (ит.). Вплоть до **karbon** – «уголь».

Этот же знак в индоевропейском образном письме определял орган – средоточие жизни. Попробуйте, не видя его, восстановить общую праформу слов **hard** – сердце (хетт.) и **her** – сердце (греч.). Полагаю, что в гнездо родственных слов следует включить и **s'ör** – середина, центр (коми, удм.).

Все эти формы объединяет одна особенность – общее название сложного знака перенесено на главную деталь, точку.

Грамотней поступили словотворцы, которые, отрицая общее название умлаутом, внутренней или внешней флексией, создавали самостоятельные имена точки-центра: *ser-di (слав.), *her-th' (нем.), *ser-di (лит.), *seir (др. прус.), *ser-t' (арм.). Значение – «середина», среда, среди – сберегли славяне и балты. В остальных только – «сердце».

☉ ort, ort – *город.

Точка *ort-a, *ord-a.

Может быть, и так образованы **orta** – центр, **orda** – дворец хана (каз.).

После замены точки на черту – звуко сочетание обрело последний смысл – **horda** (лат.).

Внешний круг – **kert**, **kerd** – 1) ограда, двор (осет., чеч., инг.), 2) поселение, город (арм.). В составе названий городов – Степана-керт и др.

Здесь, отрицая умлаутом общее название всего знака, получили наименование другой детали.

И, наконец, в гнездо этих слов просятся тюркские **kura**, **kora** – двор; круглый загон для скота, ограда. (Общее название присвоено внешнему элементу). Так же поступили и славяне, получив имя оболочки – **kora**, **skora**, **škura**. В речевой билингве ***scor-lupa**. Полонизм – **koža**.

...Все эти примеры способствуют восстановлению первоиероглифа «круг с точкой», оставившего след в языках исторически родственных – «пермских», тюркских, индоевропейских, кавказских. И невозможно воссоздать его, если рассматривать производные общего знака в искусственных границах какой-то одной языковой группы.

Этимолог должен быть готов к тому, что разные знаки могли называться одинаково или похоже. Мы уже видели, что в общепермском **gora** имела то же наименование, что и в шумерском – **kur**. Нам известен знак – «сдвоенная гора», – названный ***kir** = ***kurt**. «Пермяки» видели этот знак: **sir** = **sort** – щука. Но в диалектах мансийских отложились результаты и других, предметных толкований иероглифа: **sori** – «седловина между двумя вершинами гор» (манси), **saor**, **šaor** – т.ж. (юж манси) = ***sort** = ***sir**.

Даже общемансийскую праформу восстановить невозможно, оперируя только «фонетическими соответствиями», не ведая о соответствиях морфологических.

Завершая первую книгу обзора мировых графем Быка и Антибыков (Коровы, Теленка, Вола, Барана), мы не обойдемся без помощи пермских данных. В них законсервировано, как в вечной мерзлоте, начальное звено цепи семантического развития протошумерского знака, рассмотренного нами в предыдущих главах: ➤ **uš** (**ōš**) – 1) * не бык, 2) три (5-2).

Второе значение впечатано в ***uš**, **eš** – три (шум.), **ūš**, **ūš** **ōš**, **ič** **vič**, **viš** – три (тюрк.), **oš** – три (майя).

О том, что эти числительные происходят от названия знака «Не бык», заявляет **ōš** – теленок, бычок (коми). А в коми-язьвинском диалекте представлен аффиксальный вариант термина: **oška** – теленок, бычок. В удмуртском уцелело исходное **oš** – бык.

Итак, восстанавливается:

➤ **oš** – бык.

➤ 1) **ōš** – не бык > бычок, теленок, 2) **oš-ha** – т.ж.

Переносные значения сопряжены с предметными толкованиями.

***uš** – 1) *бык, 2) *ухо;

***uš-ha**; **uš-i**; ***uš-t** – 1) не бык (убитый бык) > мясо, вол, 2) ушко, 3) уши.

Сравните: **guš** – ухо; **gušt** – мясо (иран.).

Возможно, знак «северного месяца» еще был «мягким». Тюрки же, наверняка, оперировали уже остроугольным вариантом, потому и значения: **uš**, **oš**, **uč** – 1) лети, 2) *птица. Второй смысл закрепился в открытосложном: **kuš** – птица (кип.), **guš** – птица (огуз.). Предельно открытый слог: **ku** – лебедь (каз.). Знак угла в тот момент располагался в письменном поле так, что напоминал фигуру водоплавающей птицы с длинной шеей.

Но усложненный иероглиф уже не ассоциируется с птицей: **ūš**, **ūč**, **ōč** – 1) три, 2) острие, наконечник копья, стрелы. Во всех тюркских второй смысл подсказан формой знака, в котором крест уже слился со сторонами большого угла и превратился в противоположный «уголок».

Лыткин и Гуляев улавливают близость лексемы **oška** – бычок с **ukša** – бык (др.инд.). Привычно отдавая приоритет древнеиндийскому источнику, предлагают в пермской увидеть искаженную метатезой форму. Однако этимологический анализ показывает картину обратную: ***uš-ha** (***oš-ha**) > ***uhša** (**ohša**). При этом и семантика изменена механически. В закрытосложном диалекте в результате неграмматического процесса перестройки слога потеряно гласное окончание: ***uhs** (***ohs**). Шипящий переходит в свистящий. И этот нюанс может иметь значение при определении среды (пока анонимной), из которой почерпнули знак рогатой головы с обновленным названием германцы: ***oks** – «бык» и тюрки, создавшие умлаутный антоним **ök's** – «вол». Ср. **ögiz** – вол (каз.), **ügez** – т.ж. (тат.). Гортанный системно озвончился между гласными.

Важная деталь сложного знака восстановима. А именно – косой крест, который наименовали скорее всего германцы, смягчив общее название: **X** – **iks** (**eks**). (В лат. алфавит поступил из этрусского.) Тюрки при этом присутствуют. Они привычно прославляют стык согласных, и гортанный, естественно, озвончивается: **igez** – близнецы, двойня (тат.), **egiz** – т.ж. (каз.) и т.п.

Но другим способом, простым разложением имени сложного иероглифа, определяют звуковые обозначения элементов: «угол» – **u(o)**, «косой крест» – **ks**. Знак читался справа налево.

Итак, без пермских примеров (**oš** – бык; **ōš**, **oška** – бычок) была бы невозможной этимология древнеиндийского **ukša** – «бык», и тем более германского **oks** – «бык» и тюркского **ögiz**, **ügez**, **öks'** – «вол». Все эти слова оживают только вместе. И сообща вдыхают жизнь в кавказские исходные: **us** – «бык» (уддин.), **os**, **ots** – «бык» (авар.), без коих нельзя понять происхождения показателей мужского рода в древнеевропейских **-us** (лат.), **-os** (греч.), **-as** (балт.), **-us**, **-as** (др.инд.).

Мы восстанавливаем детерминатив мужского рода в первоиероглифическом письме, которым пользовались предки народов, чьи языки будут объединены в «индоевропейскую» группу. Праформу названия этого простого знака воссоздать вполне можно: ***buš** – «бык», «самец»,

«муж». Производное от первичной формы б-Диалекта: ***bũŋ > bunh > buh > buš...

Беглый очерк – рецензия «Краткого этимологического словаря коми языка» показывает, какие древности бережены в языках «малых народов».

Пока они находятся на окраинах сознания «большой науки», занятой «большими языками». Заведенные жрецами-толкователями гербовых знаков в горы, болотистые леса, в края «зачеркнутого солнца», люди Воды, люди Горы и Земли донесли до нас свою главную культурную ценность – великие Слова, наследие диалектов языка Малого Человечества Эпохи Начала. Это наше общее наследство и отнестись к нему надобно со всей бережливостью. Ни одно наречие не должно исчезнуть. Описан ли язык нивхов? Сахалинского народа, который можно собрать в одном зале – всех от мала до велика. Его словарь, вероятно, потоньше латинского, но для Большого Человечества, нашего всеобщего знания о себе нивхские ценности имеют значение не меньшее. «Мировая цивилизация не может быть в мировом масштабе ничем иным, кроме как коалицией культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность.» (Клод Леви Стросс, автор четырехтомного исследования мифов и мышления на материале культуры индейцев Америки.)

Обобщение

(Историческая реальность и научная мифология)

Происхождение языков и письменностей – тайна велика есть, и ответ не вмещается лишь в малые наречия. Литеры набора рассыпаны по тысячам говоров человечества. Собрать, сложить в определенной последовательности буквы, содержащие частицы текста – труд посильный для человека читающего, а не только слышащего. Зреть в корень языка, увидеть и услышать строение первых слов – вот что требуется от языковеда: только тогда он постигнет замыслы и произведения языкотворцев. Поймет, что языки – макросистемы, – **сознательно созданные** поколениями грамматистов из десятков мини-систем собственного производства и заимствованных. На макроуровне языки (ныне признанные неродственными) резко отличаются друг от друга: особенности превалируют над общим. На микроуровнях общее выступает более заметно: мини-системы имели планетарное распространение. Макросистемное сходство определяет «генетически близкородственную семью языков»: славянскую, семитскую, тюркскую, романскую и т.д. (Внутреннее деление: континентально-германские, скандинавско-германские в отличие от островного-германского, т.е. английского, отличающегося от остальных грамматическим строем.)

В такого рода группах различия предполагаются на меньших уровнях. **Здесь мини-системы определяют различия.** Так, в одних славянских была развита «метатеза плавного» (точнее метатеза гласного относительно

плавного – гласный устремлялся в конец слова, стремясь открыть слог.): *zolto > zloto, zlato; *vorta > vrota, vrata; *gord > grod, grad; *korva > krova, krava...

В восточнославянских корневого гласный обкладывал плавный, как подушками, таким образом открывая больше слогов: zoloto, vorota, gorod, korova...

Еще несколько мини-систем в славянских различны. Например, сочинительный союз *i* в восточнославянских тождествен южно-западному *a*. Полисемантизм этих формантов проявлялся в обеих разновидностях макросистем – суффикс множественного числа *-i* (вост. слав.), *-a* (юж.-зап.). Скрещение племен внутри «семьи» приводило к совмещению. Разнообразия ради в стилевых целях в рамках одного языка употребляются обе нормы: «бог-и», «конь-и», «рук-и», «плотник-и» (рус.). Но в заимствованных – врат-а, (с переходом на традиционные слово-ворот-а), град-а (город-а), ро-а. Некоторые неологизмы – «поезда», «дома», «поля» и поздние заимствования: «шофера», «профессора», «доктора»¹.

...К слову сказать, значение восточнославянского форманта *a* – одно из самых архаичных в масштабе истории мировых языков. Он восходит к общечеловеческому названию копья **ha*, и в первоиероглифической письменности его графический знак служил детерминативом отрицания и потом – «стрелкой», указывающей направление к предмету. Отражение этих функций сохраняется в «противительном союзе» (слово-то какое!) *a*: (вспомните заключительную фразу «Слова о полку Игореве» – «князьям слава, а дружине – аминь!») и на правительную частицу – ка (ко, кь, к), тождественную романской *a* (*a Roma* – к Риму, в Рим) и тюркскому суффиксу *-ka, -ga, -a*. *Rim-ga*, Москва-*ga*, Мадрид-*ka* – «к Риму, к Москве, к Мадриду (каз.), *Rum-a*, Москва-*a*, Мадрид-*a* – т.ж. (тур., азерб.).

Мы невольно перешли к теме – распространение мини-систем в различных макросистемах. Тема эта настолько объемна, что здесь ее лучше только обозначить, не углубляясь в обширнейший материал мировых языков. Достаточно намекнуть, что названия служебного знака («копье») в устном языке Малого человечества станут формантами. И оттуда в этом качестве разойдутся по всем наречиям человечества Растущего. Это – ****ha*/**he*, **a*/**e*, **i* > **i* > *dži* > *dh'* > *d'*, *t'* > *d*, *t* (открытосложные диалекты), **i* > *ih* > *iš* > *ith* > *it* (закрытосложные).

«Копье» в зависимости от толкований жрецов-грамматистов придавало основному знаку действенность (первичный глагол – императив), количественность (уменьшение – увеличение), качественность и др.

Но первым грамматическим значением было – отрицание («убийство»).

К самым начальным универсалиям можно отнести макросистемы ****muŋ*****bũŋ* – 1) «бык», 2) «месяц» > «луна»; ****meŋ*****beŋ* – 1) «баран», 2) «солнце»; ****ha* –

¹ Семантическое равенство **i* = **a* ощущается во многих языках. В итальянском – весьма наглядно: *Qui* = *Qua* – «здесь»; *di* = *da* – «из».

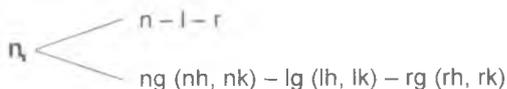
1) «копье», 2) «оружие», 3) «след укола (копьем)». В диалекте Барана – ***he

От этих слов начинался язык Малого человечества.

Соединение «рогов» («месяца») и «копья» – «раны» породило представление о противоположностях: большое – малое; круглое, кривое – прямое; целое – часть; бык – не бык (корова, теленок, баран); жизнь (стоящий бык) – смерть (пронзенный, опрокинутый, «безрогий» бык); луна – солнце; ночь – день; тьма – свет; муж – не муж (женщина, сын, мужик – простолюдин) и когда черта станет увеличителем, возникнет биполярная оппозиция «муж – великий муж». В некоторых индоевропейских появится *muŋ – «муж» = «мужик», «простолюдин», «человек». Сравните, maŋ – «муж», «человек», *maŋ-i > *maŋ-iŋ > malik – царь («великий муж» = «солнце, юное солнце»). Этот титул не сохранится в индоевропейских, но его сберегли семиты. Изучая свой язык или семью изолированно, изъяв из мирового контекста, мы обрываем связи с единым языком эпохи Начала, а следовательно, – не восстанавливается картина генезиса. И тогда неизбежно возникает вера в «произвольность устного знака».

Еще одна мини-система, получившая распространение в диалектах Начала, – **носовой преодолевает и ассимилирует остальные оттенки конечного сложного (носо-небно-гортанного) согласного** в бычье-бараньих» самоназваниях: muŋ / meŋ (buŋ/beŋ) > muŋ/meŋ (buŋ/beŋ).

Стало возможным дальнейшее закономерное – NLR. В других диалектах трехсложный не столь кардинально упрощается.

Этапы эволюции первого конечного согласного (впоследствии ставшего первым протетическим, механически закрывающим слог) наглядны в тюркских примерах: muŋ, = ming = bin – «1000» (каз., узб., тур).

...Синхронно проявляется другая крупная диалектная особенность – **носовой уступает сильному гортанному**: *ɲ > ng (nh, nk) > g (h, k).

Иное решение **первого стыка согласных** обнаруживается в семитских, хурритском и романских. Из современных только итальянский превращает стык согласных в долгий, и поэтому мы условно обозначили эту закономерность термином «**итальянский рефлекс**». В наречиях с инерцией **открытого слога** ассимилятором является **второй согласный**: septem > sette – 7 (ит); šinda > šitta – 7 (хупп.)²; lid-lid-um > lillid-um – «взрослая самка»; šun-t-um > šuttum – «сновидение» (др.-сем.)³; iški > ikki – «два»(тюрк.).

Как видим, уже не обязательно должен быть комплекс «носо-гортанный»: он выработал отношение к стыку любых согласных.

В наречиях с сильной инерцией закрытого слога ассимилятором становится первый согласный, ибо именно он является слогаобразующим: ystyk – «горячий» (каз.) > yssyk – горячий (узб., уйг.).

...Нетерпимость носового перед другим согласным приводила и к метатезе: *eng > jang – «баран» (кит.), *iagn – «баран» (слав.). Особенно наглядно iung (англ.) = *iugn, iugen (нем.) – «молодой», «молодежь». Носовой изменил свою позицию еще в праформенном произношении: *eng > *egn > *egl, igl – «теленок», «молодое животное» (др.-сем.), 'gl (угар.), 'egel (др.-евр.), 'igla (арам.), 'igl (араб.) – «теленок»⁴. Знак, сохранившийся в древнекитайском 彘 iang – 1) «не бык» > «теленок», **баран**, был понят грамматистами протоанглийского племени в позднем значении: «крылья» + «копье» = «большая птица» + «хищная птица» > **eagl** – «орел» (устное – «igl»). В попытке назвать острие отрицанием общего названия сложного иероглифа тюрки образуют искусственное *ign-a > ignā – «острое орудие для шитья». Лучше всего переводится славянским – **igla**

II

Грамматика справедливо занимает главное место в иерархии ценностей науки о языке. Об искусственном, рациональном созидании меняющихся правил и неизменных законов, управляющих мини-системами в объемах макросистем, всерьез еще не говорилось в лингвистике. Грамматические факторы констатируются, но о генезисе их речи не ведется. И тому причиной начисто отсутствующая этимология формантов. Многие из них легко определяются в своих праформах, но загвоздка в том, что праформы эти чаще всего находятся в языках другой «семьи», а, как известно из теории, все, касающееся грамматики, из «семьи» в «семью» не заимствуется, так как оно относится к «основным языковым фондам», созданным (как числительные, названия частей тела, термины родства) при рождении праязыков.

Грамматика (строительство слов и управление ими) развивалась, как и сам словарь, в течение всей истории языка. Не вся арматура слова и речи выстроилась сразу, многое заимствовано в процессе сложнейших этнических переплетений и скрещиваний. В русский относительно недавно (в периоды славяно-тюркского двуязычия) поступил казахский сложный суффикс причастия настоящего

⁴ Пример *igl – «теленок» взят из книги Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова (том II, стр.872). Но авторы, приводя название теленка, реконструируют праформу *'igl, и полагают, что это слово заимствовано праиндоевропейцами и притом в виде *ag[h]no. Восстановленная ими праформа не учитывает не только китайского материала, но и agni – 1) баран, 2) огонь (др.-инд.), слоговой палиндром от *i-ang > *i-agn > *agn-i.

² Пример взят из книги А.М.Дьяконова. «Языки Древней Персидской Азии», стр. 136.

³ Там же, стр. 197.

времени: **-ущий** (*-ūši). В казахском суффикс деятеля **-šy/-šī** наложен на окончание глагола-имени (инфинитива **-u/-u**: **toky** (*tok-ki) – тки; **tok-u** – ткать; **tok-u-šy** – ткущий.

Омонимичное **tyk** (*tyku < *tukki) – тычь, тыкай; **tyg-u** (*tyk-u) – тыкать; **tug-u-šy** – тычущий.

Славяне универсализировали мягкую форму суффикса, применяющуюся в тюркских только после мягких основ **tik** – стегай, шей (*s-teki > **stegi, steži**), **tigu** (*tik-u) – стегать, шить; **tig-ū-ši** – стегающий, шьющий (*s-teg-ū-ši).

Твердый вариант тоже не остался без внимания, славянами он утилитаризируется в качестве суффикса причастия прошедшего времени, так же универсально – с основами любого качества.

***тка(й) – *тка-уши(й)** > ткавший,

тыка(й) – *тыка-уши(й) – тыкавший

стега(й) – стега-уши(й) – стегавший⁵

(Русские не произносили дифтонг «ау», в отличие от братьев белорусов.)

В казахском причастие прошедшего времени (обозначающее законченность действия, орудие или производящее лицо) образовывалось суффиксом **-an (-gan -kan)**. В русском эта форма использовалась как формант страдательного причастия, обозначающего результат действия: **tikkän'** > **tiken'** – 1) «шило», 2) «жало», «шип», «колючка», 3) «шивший», «стегавший» (тюрк.) Морфологически и фонетически полно соответствует славянскому **ткань**.

Деепричастие настоящего времени в казахском создается по схеме «**императив + a/e**»: **toka** (*tokka) – ткая (*тъки+a), **tyga** – тыча (*tyki-a), **tige** (tik-a) – стежа (stegi+a), стегая.

В русском – совпадают морфология и грамматический материал.

Деепричастие прошедшего времени в казахском «**императив + n**»

toky-p (*tokky-w) – ткав (*тъка-w),

tygy-p (*tyky-w) – тыкав,

tigi-p (*tiki-w) – стегав

И, наконец, **основной глагол-императив** в древнеказахском создавался по схеме **имя + a/e** (**san** – «счет», **sana** – «считай»; **kan** – «кровь», **kana** – «кровоточи»; **tun** – «ночь», **tupe** – «ночуй») и факультативно – по другой: **имя + 'i/ʷ**. Очень древняя структура, совпадающая с распространенной славянской **имя + i = императив**

В тюркских языках одна лишь мягкая или одна твердая формы окончаний не могли быть приняты, качество форманта всегда зависело от качества звуков основы: **iis** – «запах», **iis-ke** – «нюхай, вынюхивай». Период совместного освоения нового ремесла – охоты с собакой. Славяне сокращают долгий – ***iski** – «вынюхивай». В то время уже в ходу окончание императива **i**, потому заим-

ствованный глагол переразлагается ***isk-i** с выделением ложного имени, напитавшегося содержанием от глагола: **isk** – иск, поиск, *роз-иск > розыск, *об-иск > обыск... (Констатируем сингармоническую реакцию.)

Но после твердых корней мягкий суффикс в тюркских словах пропадает: **ук (ок)** – 1) «орудие письма», 2) «стрела», «любой острый или метательный снаряд». В разновидностях орх.-ен. алфавита есть две буквы под одним названием:

◀ – **ук (ок)**, ↑ – **ук (ок)**

Та, что без древка, вероятно, изображала орудие письма, каменное стило, скребок. Его название, думаю, выступало в нескольких именных значениях «орудие письма, скребок» > «письмо, надпись», «письменный знак».

В любом из двух случаев был применим глагольный суффикс: ***uk – ki (ok – ki)** > ***ukky (okky)** > **уку (оку)** – 1) «читай», 2) «учи», 3) «учись» (тат., каз., кирг., тур., азерб., башк., ккал. и. практически, все остальные тюрк. языки)

Удвоение гортанного согласного и здесь помешало ему озвончиться в интервокальном положении.

В славянских мягкий суффикс сохраняется и влияет на предшествующую фонему ***uk-i > uči** – «учи». Предки тюрков и славян совместно осваивали ремесла, следовательно, высекали острым кремневым стилем письменные знаки на скалах.

Глагол «учить» (еще в исконном значении) переразлагается ввиду совпадения начального гласного с предлогом: ***у-чить**. Выделяется искусственный корень ***чить > чит-**.

В том диалекте, где это произошло, первый суффикс глагола неопределенного времени не узан, уже действовал в этой функции формант ***-anti > *ati**, он и образовал вторичный инфинитив: ***чит-ати > «читать»**.

(Таких двухэтажных инфинитивов сохранилось несколько: **раб(роб) > робить** – «трудиться, как раб» (укр.) = **рабить** (архирус.) > ***рабыт > *рабыт > рабыт-ати > «работать»** и др.)

...Из всех приведенных параллелей только сложные форманты причастий настоящего и прошедшего времени явно тюркского происхождения. Остальные могли быть общим наследием языка эпохи Начала. Синхронность в данных случаях подтверждается морфологическими лексическими и семантическими тождествами. Тюрки и славяне находились издавна и подолгу в тесных до двуязычия союзах, что может говорить о процессах социально-этнических скрещиваний.

Результаты встреч этносов на всем протяжении пути из доистории заставляют заключить – язык во всех своих категориях был открыт для взаимобмена, даже грамматика. Если мы проспрягаем приведенные примеры, то увидим, что и системы личных окончаний глаголов родственно близки в тюркских и древнеиндоевропейских – хеттском, древнегреческом, латинском. Ныне только в восточнославянских (особенно в русском) представлены рудименты тех окончаний. Практически вся грамматическая схема тюркских языков сопоставима со славянской. В том числе образование глаголов, отглагольных суще-

⁵ Императив создавался в славянских двумя способами: «имя + i» = «имя+а». В основах причастий настоящего и прошедшего времени представлены обе схемы. Доминирование «иотowego» окончания способствует созданию парного: **a-i**.

ствительных на -та (-ba, -pa, -a) и «знаковых имен» (предмет, похожий на графический знак, получает название знака в уменьшительной форме)

Что этим доказывается? Древнейшее генетическое родство языков, возникающее в течение процессов этногенеза? Да, несомненно. Когда же проявились различия? Очень рано, в эпоху первоиероглифического письма. Племена, обретаясь в различных культурно-государственных союзах, по-разному толковали общие знаки. Хотя прочитывали их одинаково. Поэзия создавала языки, поэзия их разводила.

III

О том, что этносы, взаимодействуя, не сливались, свидетельствуют различные толкования одних и тех же знаков.

...В открытосложных наречиях название быка утрачивало конечный согласный и обретало вид знакомый и сегодня детям на всех континентах: они слышат в формуле мычания лишь самую выразительную часть – «муу», «моо»...

☺ – ****mu** (****mo**) – «бык».

☺ – ****mu-i** (****mo-i**) – 1) *«корова», 2) «добыча», 3) «мне принадлежащее».

Так, вероятно, истолковали охотники каменного века этот письменный знак, бывший в какое-то время и первым символом частной собственности. В культурах индоевропейского союза: «мой» (др. прус., блр., болг., серб., хорват.), *moj* (словен., словц., пол., в.-луж., н.-луж.), *muj* (чеш.). Относится ли это слово к «основному фонду»?

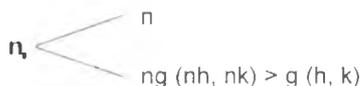
Славянам, думаю, принадлежит этнические авторство, право патентации понятия «мой (бык)» – «моя (добыча)». При первобытно-общинном строе, где все добытое, говорят, было общим, местоименное определение «мой!» – достаточно революционное заявление. Тенденция широко не распространилась (во всяком случае аффиксальный вариант названия с этим смыслом). Попытка опубликовать сию этимологию была в свое время расценена как непонятное стремление обосновать извечность частно-собственнического инстинкта, совершенно неприущего психологии древних славян. Редактор московского журнала, произнося эту сентенцию, добавил без улыбки: «Как сейчас помню».

[Едва ли ему запомнилось, что и префиксальное употребление служебного слова дало близкий результат: ***i-mu**. Окончание совпало с глагольным показателем 1 л. ед. ч. и слово переразложилось ***im-u** > «иму» – имею, беру (рус. диал.), «иму» (укр.) «возьму» (воз-иму).

Монгольское **iman** – «коза», «козел» (*баран), возникло в те же времена (***i-muŋ**), когда другой гениальный грамматист нашел более простой способ назвать малого рогатого – самоназванием его – **meŋ**.]

...К славянской форме наиболее близка лексема **moj** – «мне» (греч.). С расширением гласного – в устном английском: ***maj** (пишется – **my**) – «мой», «моя», «мое».

Закрытие слога протезом

приводит к устному немецкому **main** (пишется **mein**) – «мой», «моя», «мое».

В этой же группе следует рассматривать **mais** – мой (др. прус.).

Умлаутная форма названия того же иероглифа использована в качестве местоимения 1 лица ед. ч. им. и дат. п.: **mi** – «мне» (во всех южно- и зап.-слав.) В вост. слав. **ми** (укр.), **mi** (блр.), **mi** (лат.), **me** (итал.), **mē** – «меня», «мне» (авест., др. инд.). И только греческое аффиксально **moi**.

Эти же разновидности названия знака «убитый бык» встречаются в наименованиях «мяса быка» > «мяса» от аффиксального **manzo** – говядина (ит.) до **mis** – мясо (алб.).

Внутренняя флексия использована в тюркских и монг.: ***man** – «бык», ***maan** – 1) «мой, мне (принадлежащее)», 2) «добыча», «мясо».

Ср. **mahan** – 1) «мне» (каз.), 2) «мясо» (монг.).

Пока действовал первичный аффикс отрицания и семантика – первична: *****muŋ** (**buŋ**) – «бык», *****muŋ-ha** (**bun-ha** > **buha**) – 1) «корова», 2) «теленки», «бычок», 3) «великий бык».

Итальянское **mucca** – «корова» (***muŋca**), славянское **muka** (***mu-ha**) – «мука», «мучение», «мычание», кавказское **buha** – «теленки», «бычок» (дарг.), тюркское **buha** – «бык» («*великий бык») – слова из диалектов общечеловеческого языка эпохи Начала.

Не очень далеко отошло и древнеиранское **baha** (***byha**, **boha**) – «Бог» (авест.).

Славяне уточнили понятие: они увидели Бога в образе точки или черты, назвав деталь способом «отрицание отрицания» еще до того, как расширился корневым гласный: ***boha** – общее наименование, ***boh** – «Бог» («сияющая точка», «черта»). Или внутренняя флексия ***booh**?

...Нам еще предстоит осмыслить и оценить эмоциональность семантики «убийство быка» = «мука». **Отождествляли себя с быком**⁶. Тюркские грамматисты выходят на такой же семантический результат посредством внутренней флексии: аффиксальной форме соответствует внутрифлексивная ***mauŋ** > **muuŋ** – 1) «печаль», «тоска», «горе» (от караим. до казахского).

IV

Изменяется форма знака – элемент «месяц-рога» превращается в «луну»: ☾ – **mu-i** (**mo-i**)

Грамматист, повинувшись какому-то озарению, доводит

⁶ Ориентир для определения генезиса местоимения 1 лица ед. и мн. числа: в м-Диалекте образовано ***mun** > **mu** > **my** – «мы». Но первое местоименное значение, скорее всего, было – «я». В б-Диалекте образовалось **u** – 1) «Я», 2) «я».

черту до другого края круга. Что его заставило это сделать, мы поймем, узнав значение, которое он придал традиционному названию иероглифа: **mui, moi, myi** – «мозг» (общетюрк.). Линию, разделяющую мозг на два полушария, выступающую за пределы круга, назовут отрицанием общего наименования: **muin, moin, myin** – «шея» (общетюрк.).

...Грамматист б-Диалекта, в коем исходное определение основной детали **buŋ**, уже превратилось в **u(o)**, придаст всему знаку более отвлеченные смыслы: **ui (oi)** – 1) «разум», «ум» 2) «мысль» (общетюрк.).

Как давно человек осознал феномен мышления и увязал умственную деятельность с конкретным органом – мозгом?

Этот качественный скачок в самопознании отмечает во всех этносах благодаря показанию словарей. Но на этапе названия «головы» – **mu** – лишь в немногих.

Славянский грамматист, израсходовав грамматический материал (аффиксы ***-a, *-i**) на озвучивания символа собственности и страдания, перечеркнутый круг назвал с помощью палиндрома: **U – tu – «рога, бык», Ψ Φ – um – «ум» (мозг).**

Наименования частей сложного знака развиваются с большей скоростью, чем графема. Значение «рога и копье» продолжается вплоть до периода однофонемных названий элементов: ***oi – ой! ай! вай! ой-ой > ой-бой, ой-бай! Вай-вай!**

Возгласы боли, мучения, страха. С гортанным протезом – ***hai**. Те, кто продолжал видеть в черте копье, производят **kaï – 1) «убей», 2) «отомсти»** (индоиран. южнослав.). Для кого это – «палка», «стрекало», получают слова с облегченной семантикой ***hai (*ai) – «гон», глагол – aida – «гони»** (тюрк., кипч.), **haida – т.ж. (огуз.)**. Буквально: «в (знаке) ai, т.е. описание черты, стрела.

Префиксальное применение служебного слова (названия копья) в диалектах с другим грамматическим строем не меняло общий смысл.

U – u – 1) бык, 2) месяц,

Ψ – ha-u > a-u – 1) корова 2) *солнце.

Тот же самый результат – при употреблении дублетного **i**: в каких-то языках должно было быть слово ***iu (io) – 1) корова, 2) солнце.**

Индоевропейцы, рационально использовав вариантность названия черты (точки), развели важные смыслы по двум формам: *ha-u – «корова»: *i-u (di-u > de-u > dev, div) – 1) солнце, 2) Бог солнца, 3) Бог

Эта сознательная табуизация – «Бога нельзя называть ***hai**, корову нельзя величать ***iu (io)**» – стала фактором языка и духовной культуры.

Попытки коровы **iu** приблизиться к клану богов нещадно пресекались. Отсветы этих запретов мерцают в римской мифологии, освещая туманные начала эпохи борьбы с многобожием, когда в сонмище богов вводился некий социальный порядок, отражающий архитектуру родового строя с патриархом и его супругой во главе племени. Такой идеальной пары, как Юпитер и жена его Юнона, нет более ни в одном пантеоне.

V

Смысл имени Верховного Бога поможет нам разобраться в имени высокой супруги. Начальный слог опознается, а вместе с ним и конструкция – ***ju-nona**. Вторая часть должна являть собой термин, близкий и в то же время противоположный по смыслу слову – **piter**. То есть обозначать «Матерь». Тогда «Бог-Отче» согласуется с «Бог-Матерь».

В романских сохраняется термин родства, близкий по форме к рассматриваемому. Это прежде всего **nonna** – «бабушка» (ит.). В латинском **nonna** – «монахиня». А что значило это слово до христианства? Если оно участвует в имени языческой богини, то мы находим этимологию итальянского и латинского слова: ***nonna** – «Матерь»⁷.

Институт монахинь – «невест Бога» мог сложиться в эпоху, предшествовавшую христианской эре. Возможно, существовали коллективные обиталища для женщин, посвященных в земные жены Юпитера. (А монахи как же? Посвященные Юноне?) Обет безбрачия, обязательный для этой категории духовных лиц, меньше увязывается с христианским культом, нежели с доримскими языческими верованиями.)

...Грамматисты, толкуя божественные знаки, их названия и смыслы, сочиняли «развернутые слова», которые мы привыкли называть собирательно – «мифы». Образование племенных союзов приводило к встрече символов, подчас похожих друг на друга и формами, и названиями, но значения отличались.

В одной из таких ситуаций и рождается сюжет о Юпитере и красавице **Ио**, ставшей возлюбленной Бога-отца (с претензией занять место Юноны.). Многоопытная супруга не сдается. Ее ревность превращает юную **Ио** в **корову**, которая, спасаясь от **жалящего овода**, трусцой бежит в Египет, где снова обретает человеческий облик.

В Египте культ коровы был еще на должной высоте, ее воспринимают как богиню. Небо изображали в виде коровы. Невозможная задача, но корововеры и с такой справились.

...Пришлое племя, почитавшее божественную корову ***io**, было достаточно могущественным, чтобы в государственном мифе протороманцев расположить знак своей веры (напоминающий «головку насекомого с жалом») среди высших культовых гербов покоренного народа. Тому способствовало само имя богини, «рифмующееся» с начальным словом в именах божественной пары. Это обстоятельство в определенной степени оправдывало уравнивание **Ио** с ***Иу-нонной**. Вполне можно было величать ***Ио-нонна**. Если бы имя «приблудной» не означало в языке пришлого племени – «корова», что превращало Юпитера в быка. Военная удача поворачивается лицом к романцам. Племя изгоняется туда, откуда, вероятно, и явилось – в Египет. Красотке указывают на ее место, и гармония божественного брака восстанавливается.

⁷ Удвоение происходит и в *matma* – мама (ит.).

Борьба племен за утверждение герба своей религии в сложном этносе стала побудительной причиной возникновения многих античных легенд. В том числе и попавших в Библию. Два одинаковых иероглифа в племенных алфавитах назывались по-разному — ***ain** и ***ael**. По сути, варианты одного наименования: ***ain** > **'aep** > **'ael**.

Это, по-видимому, был знак коровы, содержащий точку вместо черты. Точка не дошла до финикийской буквы **'ain**, но успела подарить семитским языкам слово со значением «глаз».

В прасемитском образном письме ожидается

⊙ — **'ain** — «глаз».

В буквенных же появился знак:

○ — **'ain** — «глаз» (финик.).

◯ — **'ain** — «глаз» (арам.).

Более раннее значение ***Корова** > ***Женщина** сохранено в тюркских: **kain, kadn, katn** — 1) супруга хана, 2) жена, 3) баба (общетюрк.)

Архаичней огласовка в германском **Quin** — королева (анг. и др.).

Носовой в конце слова может оказаться протетическим для закрытия слога: **kui** — баран (кипч.) **kuin, koin** — баран (огузск.)

Начальный гортанный, вероятно, протетической природы: ***ui** < ***üi** — 1) корова, 2) баран, 3) теленок, детеныш. Точка и черта выполняли одинаковую функцию — отрицание быка (месяца, луны).

Равенство названий точки **i = di(d)** прослеживается не только в параллелях **iu = diu** — «бог» (индоевр.), но и **üi = ud** — «корова» (***ud'**) в тюркских.

Я склонен предположить, что конечный носовой появился не случайно: **'ui-n (udi-n)** — обозначало деталь сложного иероглифа. В одном случае — «круг». (Ср. основу тюркских слов **ainal** — «кружись», **aina** — «зеркало»), в другом — «точку». Ср. славянские: **odin, adin** — «один»; **ein** (нем.), **edin** (зап. слав.). Хотя в немецком устное — **ain**.

...Развитая форма **äel** — «женщина» (каз.).

В ранней юности написано:

*«Женщина» — шепчется или шипится.
«Аель» — легкая, ловчая птица!
В синих предгорьях зеленая ель
Тянется к солнцу, острем — в лето:
Круглая, жаркая, белая цель!
Это аель! Женщина это.*

Сегодня, перечитывая стихи, размышляю о таинстве механизмов поэтических ассоциаций. Само созвучие **аель** вызвало у автора образ пронзенного светлого круга. Я еще не занимался первоиероглифами. Единственная поправка, которую внес бы в эти строки сейчас — копьё поразило не солнце, а луну. Этим и порождено солнце.

...В наречиях, где не произошло стечение гласных без медиатора, появилась губная прослойка: ***avel**.

Победил Каин (без зрочка).

Еще не эпилог

[Антропологи договорились считать, что возраст гомо сапиенса — миллион лет. Возник в экваториальной Африке. Восемьсот тысяч лет назад он уже обживал пещеры в Атапуэрка (Испания). Окаменелые черепа и зубы шести скелетов, обнаруженных там, ошеломили экспертов, ранее считавших, что люди с евразийскими лицами и вместительными черепными коробками появились примерно за 200 тысячелетий до рождения Христова.

И выходит, что все эти почти геологические эпохи человек не говорил, не считал, не писал. Начал сочинять первые прототипы незадолго до христианской эры. (Так полагали в конце VIII века.) Завоевание Наполеоном Египта открыло для Европы эту цивилизацию. Расшифровав иероглифы, начали привыкать к мысли, что история письменности и языков несколько более протяженная, чем представлялось. Последовавшие за этим «великие историко-географические открытия» — Ассирия. Вавилон. Шумер — довели возраст культур и языков человечества до четвертого тысячелетия до н.э. Археология еще не сказала своего последнего слова. Этимология в состоянии раскопать в курганах словарей вавилоны древнекаменного века.]

...Вывод из всех примеров, приведенных в книге, таков: подтверждается версия — **основной словообразовательной схемой являлась антонимическая**. От каждого слова производилось анτισлово, от которого — следующая антилог. Так собирались словари. Причиной этой морфологической модели послужили **двусложные знаки солнца**, выражавшие идею диалектики — борьба и единство противоположностей. Философия и науки в первичной форме религиозных учений взошли из этого графического семени.

Мы теперь можем получить мощный инструментарий для анализа слова, обряда, идеи и форм древнейших предметов материальной культуры, если отнесемся к предлагаемому методу со всей серьезностью, поднявшись выше личных и цеховых амбиций.

Восстановленные модели словообразования, развивающие базовую (**знак + название + толкование = слово-понятие**) при всей своей распространенности в языках эпохи Начала, не утратили единообразия, что придавало **морфологическим правилам характер общих грамматических законов**. Реконструкция этих правил позволяет этимологии перейти из разряда гадательных в категорию точных наук и стать прочным фундаментом нового языкознания.

Отринуть предложенный метод («Палеография в слове») или убедиться в его действительности можно только одним способом — испытав его в этимологической практике. При анализе словарей любого языка планеты.

Осветив темные глубины слова, сообщая можем вернуть историю «неисторическим народам» и продлить ее тем, кому посчастливилось вписать свое имя в недавние хроники и в итоге — распространить биографию мыслящего человечества в глубины времен, куда ранее она по незнанию не допускалась.

В объединяющейся Европе готовятся переписать учебники истории. Нынешние не способствуют воспитанию «европейского сознания». Они все, так или иначе, преувеличивают этническое особенное, в ущерб «общеконтинентальному». Они вскармливают изолированное национальное сознание, которое всегда было агрессивным по отношению к «чужому».

Но стоит ли заикливаться на «европейском», «азиатском» или «американском» сознаниях? Не проще ли сразу иметь целью – общепланетарное? Наверное, не проще. Национальная идея доступней человеку, чем «региональная», «континентальная» и тем более – «мировая». Потрясения, вызванные взрывами агрессивного национализма, замешанного на первобытном этноцентризме, на культах небесных или земных идолов, способствуют выработке **органического, доброго синтеза пацифистского национализма с общечеловеческой идеей**. Любить свою родину и потому ценить спокойствие в регионе и в мире. «Возвысить степь, не унижая горы». Ибо только равные достоинством народы могут стать человечеством. Не разделяю этносы на древние и молодые, исторические и неисторические: все появились на Земле в одно время. Память об этом сохраняется в языках. Этимология становится главным жанром исторических наук – археологией языка. Она – будет основным поставщиком сведений о древней истории, о несчетанных тысячелетиях доистории. Обновленный метод этимологии позволит прочесть начальные главы истории человечества, написанные столь мелким шрифтом, что обычной лупой принятой методики его не разглядеть. Нужен универсальный «микроскоп», способный достать до ядра, до каждого электрона слова. Ядерная лингвистика, рассматривающая связи языка и первоиероглифа.

Теперь мы, в основном, готовы подступить к следующей книге, которая будет посвящена происхождению алфавитов. С ними связан уже «исторический период», человечеству более известный благодаря буквенным источникам. К ним пора добавить и этрусские памятники,

которые, надеюсь, могут быть прочтены и поняты с помощью **языков Этрурии**

В конце второго тысячелетия по христианскому летоисчислению и, может быть, сотого по календарю гомо сапиенса, оживает дополненная картина нашего прошлого. В нее войдут проявленные, озвученные кадры темной доистории. Из этого немого антрацита времени уже пробились первые лучи солнечных знаков. Они являют собой графический код слова и речи. В них ясно отражен принцип прогрессивной парности, лежащий в основе языка, письменности, архитектуры, механики и поэзии – в конструкции каждой составляющей сложнейшего организма культуры ☉ ⊖ ⊕ ⊗

Материалы языков планеты содержат в себе все элементы грамматики общечеловеческого наречия эпохи Начала, выработанной в процессе освоения знаков солнца – основные схемы морфологии, форманты, способы образования частей речи. Системы спряжения и склонения, формулы грамматического строя и др.

Реконструкция Первой грамматики поможет восстановлению картины развития национальных грамматик, их самобытных особенностей, что, в свою очередь, позволит научно классифицировать языки, отказавшись от гадательно собранных гиперсемейств («индоевропейская», «урало-алтайская», «семито-хамитская» или «ностратическая»), уточнить отношения внутри естественных, родственных союзов (славянских, романских, германских, тюркских, семитских и т.д.). В результате станет возможным представить во всей полноте **двуствольное древо** жизни языков человечества, выросшее за сотни тысячелетий из нескольких зерен – солнечных знаков и их названий, начинающих с губных звуков М и Б.

...На этом я хотел бы прервать свою повесть-аргумент, написанную в обоснование **версии причинности графического и устного знаков**. Мотивирую определение жанра книги обращением к латинскому истоку: argumentus – 1) рассказ, повесть, 2) обоснование идей, 3) правдивость, 4) истина.

(Печаталось с небольшими сокращениями)

Азбука сновидений: от А до Я

ГЛАЗА

Пристальный глаз, недреманное око, увиденное вами во сне, сулит любящему вкрадчивого соперника.

Карие глаза – знак вероломства, хитрости. Взгляд голубых глаз, устремленный на вас во сне, сулит вам какую-то неудачу, причиной чему станет ваша излиш-

няя робость. Серые глаза – предупреждение против льстивого человека.

Если во сне у вас глаза воспалены или вы теряете глаз – ждите наяву тревожных событий. Неблагоприятный сон, где вам явится одноглазый человек, – он сулит несчастья.

ГОЛОС

Если во сне вам слышится нежный голос – наяву вас подстерегает опасность легкомысленной привязанности. Визгливые голоса – к неприятностям.

Французский сонник

Миллер